

10 Prosince 1932. **Volné Kozáctvo** Ročník VI.

118

10-го декабря 1932 г. 10-го грудня 1932 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой РІК ВИДАННЯ 6-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Вольное Казачество (Volné Kozáctvo).
2. И. М. Назаров: Праздник В. К. (SvátekV. K. — verše).
3. Борис Кундрюцков: Мы. (My — verše).
4. С. Чепурной: Набат (Poplach — verše).
5. Kozacy i zagadnienie kozackie (Kozáci a kozácká otázka).
6. С. Савицький: *** Verše).
7. Казачьи права и привиллегии. (Kozácka práva a privilegie).
8. Вл. Куртин: 10 декабря 1932 (10 prosince 1932).
9. Шамба Балинов: В чем спасение? (Kde spása?).
10. Ал. Ленивов: Первые казачьи самостийники (První průkopníci samostatnosti).
11. Чужинец: Адам Мицкевич в казачьем стане — конец Отоманского казачества и М. Чайковского (Adam Mickěvič v kozáckém táboře. Konec Ottomaoského kozáctva a M. Čajkovského).
12. Ив. Томаревский: 10 декабря (10 prosince).
13. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
14. Вл. Куртин: Цветы в гробу. (Květiny v rakvi).
15. Ш. Б.: Юбилей „Прометея“ (Jubileum „Prometeje“).
16. Павел Поляков: Пятилетие [фельетон] (Pětiletí).
17. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
18. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Ески-Джумая. — Д. К. — Получено Привет.
Лесковец. — Н. П. и Н. К. Получено. Привет.
Болгария. — Е. О. — Ваши 100 лева получены, но так стары и изорваны, что в таком виде они цены для нас не имеют никакой. Привет.
Франция. — Д. Ч. — Если удастся исправить. Журнал посылается. Привет.
Братислава. — И. Б. — Хорошо. Привет.
Югославия. — Н. Ш. — Увидим. Привет.
Княжевац. — И. Н. — Все получено. Привет.
Клевелянд. — А. А — Все получено. Привет.
Греция. — Е. Л. — Хорошо. Привет.
Греция (Воло). — Ф. К. — Хорошо. Привет.
Казанлык. — В. К. — Если удастся исправить. Привет.
Пшибрам. — М. Г. — Хорошо. Привет.
Mas-Cав. — Е. Я. — Получено. Привет.
Лион. — Х. — Получено. Привет.
Польша. — Е. К. — Когда будет место. Привет.
София. — Я. Л. — Получено. Спасибо. Привет.
Александрово. — П. К. — Ответ — письмом. Привет.
Париж. — И. С. — Исполнено. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

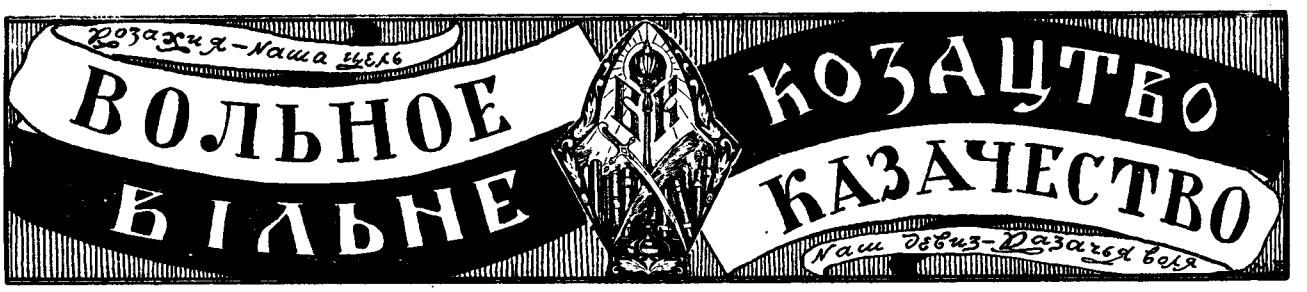
С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 118 *Суббота, 10 декабря, 1932 = Субота, 10 грудня, 1932.* *№ 118*

Вольное Казачество.

10 декабря 1927 — 10 декабря 1932.

Пять лет тому назад вышел в свет первый номер журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво", поставившего себе основную задачу — об'единить и сплотить все живые силы Казачества около идеи государственной самостоятельности Казачьих Земель.

Четко и ясно поставили мы вопрос о том, что пришла пора прямо и открыто говорить казакам с казаками, что наступило время, когда Казачеству самому нужно брать свою историческую судьбу в свои руки.

Долго „опекали" нас одни. Кроваво „экспериментируют" над нами другие. И те и другие — чужие. Пора казакам думать самим о себе. Будущее Казачества должно принадлежать самому Казачеству и никому больше.

Сейчас — наши Земли, наши братья — в рабстве. Мы — в изгнании. Знаем: от рабства к свободе, из изгнания к Отчизне — нет пути без боя и борьбы.

Всколыхнулось, взволновалось Казачество. Процесс „переоценки ценностей", процесс кристаллизации казачьей мысли выступлением „В. К." продвинулся вперед огромными шагами и мы глубоко верим, что недалеко то время, когда Казачество, одушевленное одной мыслью, охваченное одной идеей, соберется все под свои собственные знамена.

Доля Казачьих Земель там и судьба казачьей эмиграции здесь — стоят того.

Там — двенадцать лет тяжелой военной оккупации наших Земель красными московскими победителями. Там — двенадцать лет на спинах и на головах наших братьев испытываются всякие „коммунизмы" — военные и государственные, или новые экономические „политики" — нэпы. Двенадцать лет организованного грабежа в виде продразверсток и продналогов, совхозов и колхозов, просто всевозможных налогов и контрибуций. Двенадцать лет беспощадных расстрелов. Двенадцать лет население Казачьих Земель упорно и с рассчетом обескровливается и хозяйственно систематически обессиливается. Двенадцать лет московские комиссары „рассказачивают" Казачество. Отворачиваются и „поворачиваются" к нему лицом (чтобы лучше бить!). Там — все лучшие, все верные закону своей Земли расселяются и выселяются все теми же старыми — „историческими" — дорогами на Соловки и в Сибирь. А на Казачьих Землях растут „колонии" московские, еврейские, немецкие и всякие иные. Там — двенадцать лет разными „дискуссиями" и „пропагандами" кремлевские диктаторы и их прислужники стараются развратить самую душу нашего народа. Там — разрезано и разделено живое тело Казачьих Земель. Там — для ослабления Казачества искусственно созданы в его Землях новые территориальные или „автономные" единицы и группировки — „Края" и „Области".

— И столько же лет нашего изгнания — здесь. Сколько скорби и страданий, сколько томлений за это время по нашей прекрасной, далекой Родине! Пережиты первые кошмарные месяцы эвакуации на Чаталдже и на Лемносе. Потом — уход из Врангелиады и тяжкое приспособление к заграничной чужой нам непривычной обстановке и поиски труда, упорная борьба за существование, за самую жизнь. Пережиты времена возвращения „домой", — с искренним и неискренним примирением с советской властью. Пережита „смена вех" с возвращением и „смена вех" без возвращения. И наступил тяжелый и томительный путь нашего эмигрантского жития.

Разбросаны мы по всем странам и материкам. Служим мы в иностранных легионах в знойной Африке; ищем счастья в Америке — северной и южной; забрались мы даже в Австралию; в поте лица своего добываем хлеб наш насущный в Югославии и Болгарии, Франции и Польше, Румынии и Чехословакии. Нет, кажется, ни одной страны, где бы сейчас не пробивал

себе казак торной жизненной дороги тяжелым и упорным трудом...

Но, не только искание и добывание хлеба насущного стояло и стоит перед Казачеством в эти долгие годы изгнания. Как только прошли первые трудные месяцы и физическая жизнь на чужбине была обеспечена, — перед каждым из нас встали одни и те же мучительные вопросы:

С кем и за что мы воевали, ради чего сложили казаки столько своих голов и пролили столько крови; кто были наши подлинные союзники и кто — настоящие враги, и почему борьбу мы проиграли?

И чем больше казаки задумывались над этими вопросами, над вопросами: кто мы и что мы? — тем вернее начали приходить к мысли, что достаточно уже Казачеству быть орудием в руках других, что свои силы и свои средства нужно тратить для достижения своих целей.

И неуклонно совершался в эти годы процесс освобождения и отхода из под фактической и идеологической связи и зависимости от былых „вождей" и разных российских политических партий, организаций и группировок и той части казачьей эмиграции, которая вольно или невольно в такой зависимости и связи еще была. „Разочаровались" даже те, о подобной эволюции которых еще недавно и думать было нельзя. „Разочаровались" потому, что и они уже не видят там счастья своей Родины, видят только желание всех использовать и далее Казачество, как средство для достижения своих целей, как простое пушечное мясо; видят, что союзников в том лагере у Казачества нет, — там каждый хотел бы только править и володеть им безраздельно.

Постепенно, медленнее у одних, скорее у других направлялась и ковалась среди Казачества мысль об ориентации на самих себя, на свои Земли. И растут ряды тех, кто и раньше смел думать, говорить и бороться за то, что Казачьи Земли и Казачество само по себе являются настолько прекрасными и высокими целями, что стоит все наши силы и все наши способности посвятить Им, Их счастью, Их благополучию.

Мы живем сейчас в начале конца царства российской большевицкой компартии над народами, которые не по своей доброй воле входят в состав СССР; живем накануне великих событий, накануне второго акта той великой драмы, того большого процесса борьбы за освобождение, который так бурно начался в 1917—1920 годах на широких просторах б. Р. Империи, и первый акт которого окончился тогда победою красных империалистов из московского Кремля и оккупацией ими Казачьих Земель. Во всем мире сейчас, на различных местах, в и вне СССР, тайно или открыто, но везде идет напряженная подготовительная работа к этому второму акту — мир готовится в настоящее время не столько к ликвидации — этот вопрос является сейчас бесспорным — сколько ко второму дню после ликвидации диктатуры московского „пролетариата" и III интернационала в „СССР". И кто знает, как развернутся эти события „на второй день" после падения совласти большевицко-коммунистических „рабочих и крестьян" над порабощенными ими народами?

Это наиболее трудная, но и наиболее важная наша задача сейчас — правильно понять то, что делается кругом нас, а прежде всего в СССР и там у нас, в Казачьих Землях, чтобы знать и свое место в грядущих событиях и не расстрачивать в пустую свои силы, а с наибольшим успехом приложить их там и так, чтобы они принесли максимум пользы прежде всего своему народу — Казачеству.

И оттого, когда и насколько правильно мы поймем то, что есть, и сумеем предвидеть то, что и как будет, будет во многом зависеть успех или неуспех нашей здесь политической работы или борьбы наших братьев там. Больше: мы должны не только предвидеть события и их возможную развязку, но и сделать все для того, чтобы они кончились так, как то отвечает действительным интересам нашего народа.

Неоднократно нами уже говорилось да и все мы, пожалуй согласны сейчас в том, что одною из основных причин наших неудач в недавнем прошлом было то, что Казачество не было готово в 1917 и ближайших последующих годах к революционным событиям в тех формах и размерах, в каких поставила их перед ним политическая действительность. Оттого и была у казаков путаница мыслей и целей, оттого и были среди них столь гибельные разногласия. Но события по существу только начинаются и еще и нам придется в них участвовать. И если бы и на этот раз мы не были готовы, то этого не простил бы нам никто: ни люди, ни история.

А потому прежде всего: ясная мысль, ясная цель, ясная и определенная программа, наша программа. Такая программа, в которой конкретные задачи сегодняшнего дня совпадали бы с конечными целями далекого будущего, и какую можно было бы одинаково успешно проводить и осуществлять в жизни и им там, и нам — здесь.

Нашей конечной целью должно быть благо своего народа, своей Земли прежде всего.

Осуществление блага народного, как и полный и всесторонний расцвет всех духовных и материальных сил каждого народа возможны только тогда, когда он политически свободен и государственно самостоятелен. В одинаковой мере это относится и к Казачеству. Поэтому и для Казачества, если оно хочет существовать вообще, если оно хочет себе блага так, как оно само это благо понимает, основными задачами являются восстановление и создание на территории Земель Европейского Казачества самостоятельных государств-республик, об'единенных в один тес-

ный братский Союз — Союз Вольных Казачьих Земель. Только при этом условии там царствовали бы: свобода и справедливые законы для всех граждан этих Замель и обеспечены бы были спокойный рост и развитие всех сторон духовной и материальной жизни народов, их населяющих. Казачество не хочет никаких диктатур и экспериментов, не хочет быть страшилищем других народов, а хочет и стремится присоединиться к семье культурных народов, само как член культурный и миролюбивый. Не хочет само господствовать над другими, но не хочет и чужого господства над собою.

Что же и кто стоит на пути нашем?

— Прежде всего большевицко-коммунистическая власть Москвы над нашими Землями.

А потому наша очередная и священная задача — освобождение из под власти РСФСР и СССР всех Казачьих Земель от Дона до Яика и Оренбурга, как и Земель тех степных или горских народов, что живут вместе или между казаками.

Очевидно, а для нас это является бесспорным и обязательным, что сейчас же после освобождения, „на другой день после освобождения", в каждом Крае соберется свой Круг, своя Рада, как суверенные Учредительные Собрания, над волею которых не может быть никакой иной высшей воли. А после того, как будут по ложены первые камни восстанавливаемой и созидаемой государственности на Дону, на Кубани, на Тереке, на Яике и в Оренбурге, у Калмыков и Астраханцев, тогда наступит момент для создания общего: — Союза Вольных Казачьих Земель-Республик — Казакии.

Вот путь государственного строительства Казачьих Земель, как его понимает Вольное Казачество.

Необходимым условием, основною предпосылкою возможности и успеха в осуществлении принятой нами программы является примирение в первую голову между самими казаками. Между собою нам драться не из-за чего, — попробуем найти общий язык и сговориться. В прошлом дрались мы одни с другими не за свои, а за чужие интересы. Пусть же в будущем „чужие" сами дерутся за свои интересы, мы будем бороться вместе — за свои.

Далее нужно правильно и раз навсегда решить: на Кубани — вопрос иногородний, на Дону — вопрос крестьянский и иногородний. Это общее положение почти в одинаковой мере относится и к другим Казачьим Землям. Для решения этого „больного" вопроса нужно, очевидно, такое же искреннее, полное и взаимное примирение и соглашение казаков со старым (до большевицким) иногородним и крестьянским населением на Дону, на Кубани, на Тереке, у Калмыков... Они должны будут стать такими же гражданами Казачьих Республик, как и сами казаки. Иного решения этого вопроса нет.

Установление принципа равенства основных национальностей Казачьих Земель в области национального и культурного развития — дальнейший бесспорный пункт программы Вольного Казачества.

И, наконец, последний, такой же общий и обязательный пункт программ всех союзных организаций — отрицание всяких коммунизаций. В основу народно-хозяйственной жизни Казачьих Земель должно положить право частной собственности человека на продукты и результаты его труда.

Вот общие контуры, основные элементы нашей программы. Остальное — детали, на которых не будем сейчас останавливаться. Детали эти решаются здесь или будут решаться там каждым из членов казачьего государства в зависимости от особенностей или обстановки у каждого из них.

Мы знали и знаем все трудности, связанные с осуществлением такой программы, и нисколько не закрываем на это глаза, особенно на пункт первый — освобождение. Оно прежде всего потребует великих сил и великих жертв. Мы знаем также, что такие задачи не выполняются отдельными группировками и течениями или партиями, как бы сильны они не были. Они требуют и от нас сговора и соглашения со всеми теми, кто на такую программу-минимум пойти может: для решения современных заданий Вольного Казачества здесь, нужна раньше всего консолидация сил казачьей эмиграции. В истории каждого народа бывают времена великих жертв и героических повинностей. Пришли они и к нам еще раз.

Как ни трудна все же эта задача — задача освобождения, — она не невыполнима. Для нас она облегчается тем, что она стоит сейчас и перед всеми другими народами, покоренными под нози СССР, а прежде всего перед нашими ближайшими и непосредственными соседями: Украиной, Кавказскими народами и др.

Сейчас уже для всех нас является бесспорным то, что второю из причин наших неудач в прошлом, если не главною, был неудачный выбор союзников (Добрармии) и война с теми, кто мог быть союзником действительным.

Союзники только тогда хороши, когда имеют общие или одинаковые цели борьбы. С Добрармией же у нас была лишь одна половина общей задачи: борьба против большевиков, а далее расхождение — боролись мы за разное. Мало того, Добрармия, собственно, и не хотела быть нашим союзником, а хотела стоять над нами. В будущем мы, очевидно, такой ошибки не сделаем. Мы боремся с большевиками-коммунистами или вели спор с Добрармией не для того, чтобы переменить „барина".

Что касается нашего отношения к русскому народу, то оно зависит и будет всегда зависеть от отношения русского (великорусского) народа к нам:

мы не нападаем, а только защищаемся. Ненависти к русскому народу не пи-

таем и проповедывать ее не собираемся, но защищать свое право и свою свободу будем. Самостийность мы понимаем не как изоляцию, — союзников и друзей искать себе будем, но только на основе: волный с вольным, равный с равным.

С программой, которую мы в общих чертах выше изложили и с намерениями, о которых мы здесь говорили, пять лет тому назад и выступило открыто „В. К."

Выходя в свет „В. К." звало в свои ряды всех тех, кто хочет защищать свою волю; кто не хочет ничьего господства над собою, от кого бы оно ни исходило и как бы оно не называлось; кто считает, что Казачеству нужно прежде всего думать о себе и о своих Землях, бороться за свое право и свою свободу и предоставить каждому народу устраивать свою жизнь так, как он того хочет.

Оглядываясь на эти пять лет работы, мы не можем скрыть своего величайшего удовлетворения: зерно, брошенное „В. К.", упало на хорошую почву. С открытым лицом и чистой совестью, можем сказать уже: дело „Вольного Казачества" стало делом всего Казачества.

И. М. Назаров. *(Югославия).*

ПРАЗДНИК В. К.

Пять лет прошло. Пять лет орел степной
Сзывает рать орлов для лета из чужбины.
И крепнут, и растут в тиши его дружины
С безумным сердцем и мятежною душой...
Уж много их... И ширится идея
Возврата близкого в родимую страну
Чрез головы врагов, чрез грозы и войну,
Через чудовище царящего там змея, —
И... все ли с ним сыны его степей,
Сошлись ли все в орлином стане,
Чтоб всем быть рядом в урагане
Грядущих подвигов и боевых страстей?!.
Но, многих нет. Пять лет их мертвый слух
Не пробивало огненное слово.
Пять лет борьбы огня святого
Не мог вместить угаснувший их дух.
Как стадо без идей, без подвига и чести
Они идут за тем, кто их ведет назад
От прошлого, от гордости и мести
К потере всех надежд на волю и возврат.
Опомнятся ль они? Иль повторится снова
Кровавая весна из тех проклятых дней,
Когда росилась кровь по ковылям степей
И не было, как тут, единства боевого?
А если нет... А если их ватагой
Усилятся полки измены и вражды —
Не будем плакать мы, но с гордою отвагой
Тесней сомкнем свои ряды.
И если не судьба... И если наши жизни
Измелет вал борьбы в неравном счете сил, —
На нас не ляжет грех предателей отчизны
И не посмеют бросить укоризны
Потомки на холмы бесчисленных могил.

4 ноября 1932 г.

Борис Кундрюцков. *(Белград).*

МЫ.

Мы верим в мощь...
Мы верим в силу...
Казачий дух в сердцах живет...
О, как бы жизнь
Нас не давила,
Казак не сдавшися умрет...
Под знамя все
В стихийном гике —
Потонут пусть врагов мольбы...
Казачий стяг
На острой пике
Сомкнет в одно наши ряды...
Мы — казаки...
Орлиной стаей
Впервые нам ли побеждать!
Вперед, друзья,
В боях сметая
Врагов, не станем отступать...
Мы верим в мощь...
Мы верим в силу...
Звезда Казачества горит...
О, как бы жизнь
Нас не давила —
Не победит... Не победит...

С. Чепурной. *(Виши).*

НАБАТ.

Давно, давно гудит набат...
Он слышен здесь и слышен там —
Зовет он всех — сбирает рать
Отпор последний дать врагам.
Тревогу б'ет во тьме ночной,
Про честь отчизны он поет —
И в песне близкой и родной
Восстать — отмстить врагам зовет.
За Дон, за Терек, за Кубань,
За славу дедов, честь отцов,
Что вечный враг ногой попрал, —
Сам раб в течении веков..
Не спите-ж вы, кто любит спать,
Не ждите вы, что кто-то вам
Вернет ваш Край, свободу даст
Родным станицам, хуторам, —
Смелей вперед! Идет рассвет —
Далой самнения и страх!
За кровный старины завет —
За Волю — на казачий шлях!
Гуди-ж, набат, еще сильней
И всех в едино собирай
В последний бой за ширь степей,
За милый сердцу Вольный Край!

29 ноября, 1932.

Kozacy i zagadnienie kozackie.

Kozacy byli piątym z kolei narodem słowiańskim, wchodzącym w skład dawnego Imperjum Rosyjskiego (Wielkorusi, Polacy, Białorusi, Ukraińcy i Kozacy).

Utraciwszy dwieście lat temu swą niezależność państwową, wstępują obecnie znowu Kozacy na szlak swego odrodzenia narodowego, na drogę walki o niepodległość, o swe prawa, swą wolność. Z żelazną konsekwencją i bezgranicznem poświęceniem nie spoczną, dopóki nie osiągną zamierzonego celu.

Naród kozacki, cierpiąc nieznośną okupację czerwonej Moskwy w kraju, znosząc wszystkie niedole życia na emigracji, nie wyciąga do nikogo ręki o pomoc, i nie czeka spokojnie aby inni wywalczyli mu lepszą przyszłość. Przeciwnie — do walki o swój los, swoją przyszłość, staje sam, a jeśli znajduje w niej sprzymierzeńców — to przedewszystkiem tych, którzy narówni z nim pragną wyzwolić się z jarzma czerwonej niewoli.

Tem niemniej my — Kozacy — mamy prawo liczyć na pomoc innych narodów. Prawo to daje nam świadomość, że nie chodzi tu tylko o nasz interes, że dla wielu narodów nie może być obojętnem jak skończy sie walka ciemiężonych w Z.S.S.R. ludów o swe wyzwolenie. Ponadto jesteśmy głęboko przekonani, że istnienie agresywnego bolszewizmu na Wschodzie, z jego mesjanizmem rekonstrukcji świata według nowych, moskiewskich wzorów, nie wróży nic dobrego w przyszłości licznym państwom, które już dzisiaj, przeczuwając niebezpieczeństwo, usiłują odgrodzić się od niego chińskim murem.

Jaką pomoc mamy na myśli? — przedewszystkiem moralną. Świat wie o Kozakach bardzo mało. A i to co wie, częstokroć nie odpowiada prawdzie, bowiem pochodzi z różnych źródeł, w interesie których nie zawsze leżało mówić o nas prawdę.

Dziś będziemy mówić sami o sobie, zaś do Was zwracamy się z gorącą prośbą abyście przed wypowiedzeniem ostatecznej opinji o naszych dążeniach, poddali gruntownej rewizji swe przestarzałe a często najzupełniej fałszywe pojęcia o nas i zapoznali się bezpośrednio z temi materjałami historycznemi, etnograficznemi i gospodarczemi, któremi rozporządzamy obecnie. W ten sposób najlepiej okażecie nam swe moralne poparcie.

Nie chcemy nikogo nużyć rozległą historją swej narodowej niedoli, pominiemy więc milczeniem naszą przeszkość, pełną nieustannych walk o wolność i bezpieczeństwo swego narodu. Pragniemy natomiast powiedzieć słów kilka o naszem obecnem położeniu i naszych dążeniach na przyszłość. Pragniemy żebyście nas usłyszeli. Nie tylko ustyszeli — ale i należycie zrozumieli.

Kozacy pochodzą od tych plemion słowiańskich, które za czasów tworzenia Rusi Kijowskiej, a później państwa moskiewskiego, zamieszkiwały rozległe stepy między Wołgą i Donem, sięgając brzegów morza Azowskiego i Czarnego. Położone na „Wielkim Szlaku" z Azji do Europy, po którym przeszły liczne narody w swej wędrówce ze Wschodu na Zachód, plemiona te wchłonęły w siebie znaczny procent krwi obcej — przeważnie tiurskiej. Drogą tej wiekowej asymilacji elementów obcych na podłożu słowiańskiem powstał nowy naród — Kozacy.

Ustawiczne najazdy ludów azjatyckich znacznie opóźniły proces formacji państwowej Kozaków. Mimo to, w ciągu XIV i XV wieku powstały dwie republiki kozackie: nad Donem i Dnieprem, które następnie, przez cały wiek XV, XVI i XVII zachowały zupełną niezależność.

Dopiero w końcu XVII wieku granice moskiewskiego państwa zetknęły się bezpośrednio z rubieżami ziem kozackich i od tego czasu rozpoczęła sie nieustanna ekspansja rosyjska w kierunku tych ziem. Ostateczny cios zadał Kozakom car Piotr I w roku 1708 przez rozbicie i zniszczenie Donu, które zadecydowało na długo o utracie niepodległości przez Kozaków. W roku 1775 Katarzyna II rozgromiła i doszczętnie zrujnowała republikę Kozaków Zaporoskich, których niedobitki przesiedliły się następnie na Kubań.

Pomimo utraty niepodległości i wcielenia w skład państwa rosyjskiego, aż do ostatniej chwili zachowali Kozacy szczątki swych dawnych praw i swego odrębnego ustroju, mimo że przez dwieście lat niewoli rządy carskie systematycznie zatrzeć usiłowały wszelki ślad po niedawnej, a żywej w tradycji przeszłości. Dlatego to, z chwilą wybuchu rewolucji, zdołali Kozacy z taką zdumiewającą napozór łatwością oddzielić się od Rosji i utworyć z niczego własną organizację państwową, opartą na zupełnie odmiennych od rosyjskich wzorach. W ciągu lat 1917—18 powstały zupełnie niezależne pod względem faktycznym i prawnym republiki: Dońska, Kubańska i Terska. Analogiczny proces rozpoczął się również na Uralu, wśród Kozaków Oranburskich i Astrachańskich, a nawet przeniósł się do najbardziej odległych wojsk syberyjskich.

Wkrótce okazało się jednak, że w stosunku do Kozaków polityka rosyjskich rządów rewolucyjnych jest równie bezwzględna i zaborcza jak dawnych rządów carskich. Bolszewicy rozpoczęli wojnę z młodemi republikami kozackiemi, które na swe nieszczęście miały wielce utrudnioną obronę, przez nieproszoną interwencję wodzów białej armji rosyjskiej gen. Denikina i Wrangla, a z drugiej strony przez nacisk Wielkich Mocarstw, które nie znając i nie doceniając znaczenia kozackiego ruchu niepodległościowego usiłowały kozackie siły zbrojne podporządkować interesom rosyjskiej kontrrewo-

lucji. W wyniku tego fatalnego zbiegu okoliczności, zmuszeni zostali Kozacy do nierównej walki z narodem rosyjskim, który w swej masie popierał wówczas bolszewików. Klęska w tych warunkach była nieunikniona lecz nastąpiła po zaciętej walce. Ta katasrofa jeszcze raz przekonała Kozaków, że tylko na drodze do niepodległości zapewnić mogą szczęście i bezpieczeństwo swej ojczyźnie.

Dziś znajduje się ona pod okupacją bolszewicką. Wiadomo powszechnie jak okrutną i bezlitosną dla pokonanych wrogów jest władza czerwonej Moskwy. Mimo to kozacki ruch narodowy budzi się i rośnie z każdym rokiem i już żadne represje, żaden teror nie zdoła go stłumić.

Sytuacja, w jakiej znajdują się nasze kraje, odgrodzone od reszty świata chińskim murem granicy sowieckiej, wkłada na nas, emigrację kozacką, odpowiedzialny i święty obowiązek, podniesienia głosu w obronie naszych praw i naszej nieszczęśliwej ojczyzny. Nie utraciwszy związku ze swym narodem, z jego ukrytemi dążeniami i nadziejami, emigracja kozacka, kontynuując rozpoczętą w 1917 roku walkę, podejmuje obowiązek reprezentowania swego narodu wobec całego świata.

Sądzimy, że jeśli zdaje on sobie sprawę z grożącego mu od Wschodu niebezpieczeństwa, to okaże nam należyte zrozumienie i poparcie. Przedewszystkiem jednak pragniemy, żeby dowiedział się o nas czegoś od nas samych. Mało kto wie naprzykład, że wielkie hasła rewolucji francuskiej: wolność, równość, braterstwo — znacznie wcześniej wcielone zostały w życie przez Kozaków, którym służyły za podstawowe zasady ich ustroju państwowego.

Dziś — mimo doznanej klęski — wola kozacka nie została złamana i głos kozacki nie ucichł. Stłumiony w kraju, rozlega się tem głośniej na emigracji, domagając się uznania swych słusznych praw do wolności i sprawiedliwości.

Emigracja kozacka, zgrupowana w organizacji „Wolnego Kozactwa" której organem prasowym jest wydawany w Pradze dwutygodnik „Wolnoje Kazaczestwo — Wilne Kozactwo", podjęła zadanie poinformowania całego świata o dążeniach kozackich i ich słusznych prawach do niepodległości. Program tej organizacji jest bardzo treściwy i jasny:

Wyzwolenie krejów i ludności wszystkich europejskich Wojsk Kozackich: Dońskiego, Kubańskiego, Terskiego, Astrachańskiego, Uralskiego, i Orenburskiego oraz terytorjum kałmyckiego z pod władzy Z. S. S. R. i utworzenie z nich niepodległego, suwerennego państwa kozackiego — KAZAKIJI.

Program ten nie jest nowy. W latach 1917-20 zagadnienie kozackiego państwa związkowego było poruszane przez Kozaków cztery razy i tylko interwencja czynników obcych uniemożliwiła jego organizację.

Co reprezentowałoby utworzone w ten sposób państwo — Kazakija? Obszar sześciu europejskich Wojsk Kozackich, wraz z Kałmykami wynosi 870.000 km² i zamieszkały jest przez 11,000.000 ludności.

Nie możemy w ramach tak szczupłego artykułu podać czytelnikom wszystkich szczegółów natury historycznej, geograficznej i ekonomicznej, odsyłając ciekawych do specjalnych opracowań i publikacyj w tej dziedzinie. Możemy tylko podkreślić, że obok praw historycznych, momenty geograficzne i ekonomiczne są w rękach separatystów kozackich, najpoważniejszemi argumentami, przemawiającemi za zrealizowaniem ich programu.

Tak wyglądają w ogólnych zarysach dzisiejsze dążenia Wolnych Kozaków. Wystepując z niemi wobec świata cywilizowanego jeszcze raz wyrażamy nadzieję że program kozacki znajdzie tym razem należyte sympatje i zrozumienie wśród przyjaciół cywilizacji, prawa i postępu.

С. Савицький. *(Бразилія).*

* * *

Вітре буйний, ти літаєш
Над широкими степами, —
Роскажи нам, що ти знаєш,
Що там сталось з козаками?
Чи забули в рідним краю
Нас, бурлаків, на чужині?
Чи з сльозами виглядають
На Кубані нашій милій?
Як нас рідні привітають
У станицях підневільних,
Як в степах там залунають
З Праги гасла свіжі-вільні?
Чи повстане край за волю
Рідну Раду боронити?
Чи, обдертий, під Москвою
У неволі буде гнити?
Ой, лети ж ти понад морем
Над козачою тюрмою
Та й шепни всім, битим горем:
„Сонце сходить за горою!"
Хай не падають на дусі,
Єднаються між собою,
Не минути заверюсі —
Принесе вона нам волю.
Хай з відчаю не ридають,
А готують нишком бука,
Та, нарешті, вже пізнають,
Що дала з Москвою злука...

Казачьи права и привиллегии.

III. Казачьи права на суверенитет.

Перейдем к исследованию другого основного права Казачества — права его вольного и независимого самоуправления (государственного суверенитета).

И это право, как и право на свою территорию, создалось у Казачества исторически, согласно геополитической обстановке и его специфическому племенонародному духу. Право это — может быть вернее правосознание — было усвоено казаками с наидревнейших времен, развито ими самостоятельно до совершенных по тогдашнему времени демократических форм и до последнего времени (до большевицкой оккупации) являлось основой его общественного порядка. И опять таки, при столкновении с русским самодержавием и самовластием (одинаково — царей и большевиков!) право это, как и все прочие права, подверглось многочисленным и жестоким ограничениям.

Действительно, почти все лучшие историки, русские и украинские, как Ключевский, Платонов, Любавский, Костомаров, Грушевский, Антонович, исследуя развитие демократизма у юговосточных славян (казаков и украинцев) в отличие от роста и укрепления династического деспотизма у славян северо-восточных (великороссов), приходят к одинаковому заключению, что главной причиной этих явлений была различная историческая и геополитическая обстановка, разно повлиявшая на образование как отличительных социальных, гражданских и правовых порядков, так и на выработку неодинаковых характеров и вообще всего народного духа славян юго-восточной степной полосы и славян полосы лесной на северо-востоке Европы.

С другой стороны те же историки и некоторые историки казачьи, как и целый ряд русских историков-юристов — Сергеевич, Владимиров-Буданов, Дьяконов — утверждают, что народовластие у юго-восточных славян было отражением или продолжением в новой форме Рад и Кругов старинного славянского вечевого права. В то время, как старое славянское вечевое право на северо-востоке заглохло и заменено было деспотизмом сначала великих князей, а позже царского самодерживия, в юго-восточной степной полосе, в зависимости от иной исторической обстановки, вечевое право продолжало существовать в новой форме казачьего народовластия.

Проф. Костомаров („Две русские народности") прекрасно и выпукло обрисовал основное различие характеров и типов северо-восточного славянина и юго-восточного славянина. Проф. Платонов (Русская история — университетский курс) раскрыл причину этих различий, которую он видит главным образом в действии неодинаковой исторической обстановки. Профессора: Ключевский (Боярская Дума), Грушевский (Історія України-Руси), Антонович (Коротка історія козаччини) и Любавский (История восточных славян) подходят ближе к исследованию и оценке самой исторической обстановки, повлиявшей на укрепление вечевого права в древней Киевской Руси и на расцвет вытекающего из него, вечевого права, народовластия у украинского и юго-восточного Казачества.

Причину укрепления веча у юго-восточных славян и развития демократизма у Казачества эти историки видят прежде всего в соседстве с восточными и юго-восточными народами вечно неспокойной и опасной кочевой степи. Дикая степь, пропускавшая чарез свои пространства различные многочисленные воинственные племена висела вечной и страшной угрозой над славянским населением юго-восточных окраин Европы.

Для защиты своих жизней, земель и имущества славянское население вблизи этой беспокойной и опасной „дороги народов" должно было напрягать на протяжении веков все свои усилия, всю свою физическую и духовную энергию. Такая постоянная опасность, постоянное напряжение сил, необходимость быть подготовленными к защите и самые оборонительные действия — естественно — выработали у юго-восточных славян дух самодеятельности, смелый, предприимчивый и воинственный характер, позволяьший им не только удачно отстаивать себя, но побуждавший часто и их самих к наступательным действиям. Военный же образ жизни требовал и специальной военной организации населения. И в такой организации постоянным коллективным опытом было многое создано самостоятельно, многое было позаимствовано из военного опыта противников. Вся же оседлая жизнь с военной организацией юго-восточных славян уже в давние времена сделала их народами оседло-военными и эта черта одинаково заметно выступает и в жизни Киевской Руси и в жизни Руси Азовско-Черноморской. При такой оседло-военной жизни и организации по мере эволюции исторического бытия юго-восточно-руссов увеличивалось и укреплялось и их историческое значение. Постепенно ассимилировались славянами более мелкие степные народы, приходившие в военное и культурное соприкосновение с Русью Приазовской. У других, более крупных и сильных племен постепенно отбивалась степь и речные дороги для торговых и военных экспедиций в Византию. Прилив степной воинственной крови, преимущественно тюркской, сделал приазовских руссов еще более воинственными и предприимчивыми.

Таким образом, внешние геополитические и исторические условия повлияли коренным образом и на выработку специфического юго-восточно-славянского этнического типа, отличного во многом от других славян, в том числе и от своих ближайших соседей — славян северо-восточных.

В особенностях специфического этнического типа юго-восточного славянина заключались и свои психические особенности. Выработалась натура смелая, инициативная, сознающая собственное достоинство и ценящая выше всех благ — свободу. Постоянно угрожающая опасность и готовность ко встрече ее выработали глубокое сознание ценности своей и чужой личности. Каждый был прежде всего сознательным воином-предпринимателем и качества такой личности не утратили своего значения и в военно-гражданском коллективе. В общей массе каждый боролся за себя и за всех, защищая свою и близких свободу и жизнь... Такое постоянное и напряженное психическое состояние повлияло, несомненно, и на возникновение сознания равенства членов военной общины. Каждая отдельная человеческая особь ценилась лишь по личным качествам и эти качества ценились тем выше, чем более обеспечивали они благо каждого в отдельности и целой общины. Таким же наибольшим благом была жизнь и свобода, а наиценнейшим военным качеством, могшим обеспечить эти блага, были: мужество, сила, воля, ум, стойкость, находчивость, знание военного дела и уменье руководить. Ввиду постоянной опасности эти качества ценились наивыше и этими качествами мог обладать и выдвинуться каждый воин. Вот отсюда выгекают высокое сознание своих обязанностей и ответственности каждого воина в отдельности и строгие требования всего военного коллектива к своему вождю.

Такие психические особенности и военно-правовые понятия и были основной структурой характера древних юго-восточных степных славян, а впоследствии, при повторении такой же исторической обстановки, созданной степью татарской, развились с такой же силой и в характере преемников и потомков степных славян — казаков.

Культурные воззрения и характер юго-восточных славян (Азовской Руси), несмотря на значительные влияния тюркских народов, были в основе все же славянские, обусловленные старинными обычаями и сознанием древнего народовластия, выраженного в вечевом праве военнообщинная жизнь и опасность лишь расширили и укрепили пользование этим правом на практике. Даже в период утверждения княжеской власти над юго-восточными славянами, вечевое право не утратило своей силы, достаточно ограничивая самую власть князя. Князь рассматривался прежде всего как военный вождь.

Татарским нашествием была уничтожена княжеская власть на юго-востоке. Татарская же степь вновь воскресила существование вольных славянских оседло-военных общин на ее границах и обусловила возникновение из них Казачества. У казаков же старинное вечевое право достигло наиболее полных форм народовластия, осуществлявшегося через Войсковые Круги, Рады, „казачий присуд", в выборе начальников (Атаманов), должностных лиц и пр.

Вот где и вот как глубоко коренится собственное казачье право самоуправления и народовластия. И с этим великим человеческим естественным правом, представлявшим собою как бы остров свободы среди моря насилия феодализма, абсолютизма и деспотизма в Европе того времени, жило и развивалось вольное казачество на протяжении сотен лет, образовав постепенно свои самостоятельные и независимые (суверенные) республики. Но — начали надвигаться на Казачество мрачные тучи московского деспотизма в лице царского самодержавия. Со времени вхождения казачьих республик в состав Российского государства началось постепенное „прибирание к рукам" Казачества, неуклонное ограничение и урезывание царским российским правительством всех казачьих прав, в том числе и важнейшего его права на свободное самоуправление и народоправство.

Раньше всего подверглось уничтожению казачье право выбирать Войсковых Атаманов, потом уничтожены Войсковые Круги и Рады и заменены русскими административными органами „общеимперского типа". Так — на Дону уже с 1738 г. Войсковые Атаманы начали назначаться исключительно царской властью. В 1775 г. Войсковой Круг фактически заменен был Войсковым Гражданским Правительством, автономия Дона разрушена и он в гражданском управлении приравнен был к областному управлению общеимперского типа. В 1798 г. казачьи войсковые чины сравнены были с армейскими и даны им были привиллегии российского дворянства. В 1848 г. Наказным Атаманом на Дону был назначен не казак и этот порядок правления Донским Казачеством русскими генералами продолжался до 1917 года.

Такая же судьба постигла и права Казачества Черноморского. Уже со времени прихода Черноморцев на Кубань порядок их управления был изменен: Рада заменена была „Войсковым правительством" „навсегда управляющим Войском". В самом этом Войсковом правительстве войсковые должности ограничены были лишь Кошевым Атаманом, войсковыми судьей и писарем. В административном отношении Черноморское Войско подчинено было Таврическому губернатору.

Несмотря на это, Черноморцы и на Кубани еще некоторое время сохраняли старинные запорожские обычаи, в своей внутренней жизни управляясь вполне самостоятельно, сами выбирали свою старшину и т. д. Но уже в 1801 г. грамотой Павла I казачье устройство Черноморцев было значительно ограничено: были изгнаны из употребления некоторые названия лиц и учреждений, оставшиеся еще от времен Запорожцев; вместо Войскового правительства учреждена была „Войсковая канцелярия", при которой состоял постоянно правительственный прокурор. Войско разделено было на 20 полков. В 1802 г. вместо Войсковой канцелярии возобновлено было наименование Войскового правительства, но состав его — относительно участия в нем чужих элементов — был мало изменен. Новое Войсковое правительство было приравнено к Донской Войсковой канцелярии, в которой присутствовали: Войсковой Атаман (назначенный), два непременных члена, четыре ассесора и правительственный прокурор. Войсковые Атаманы у Черноморцев начали назначаться царской властью уже с 1797 г., а с 1855 г. Атаманы (наказные) назначались исключительно из русских генералов (не казаков).

Некоторая степень вольного самоуправления у Черноморцев удержалась было еще в куренных управлениях, но в 1842 г. и это казачье право было значительно урезано. Положение же 1842 г. узаконивало и роль казачьего дворянства, наделив не только значительными привиллегиями по сравнению с рядовым, казачеством, но и „приличными" земельными наделами „в пожизненное пользование" (генералам 1500 дес. штаб-офицерам 400 дес. и обер-офицерам 200 десятин).

В худшем (по сравнению с Донцами и Черноморцами) положении было дело самоуправления у казаков Линейцев. Они, с переходом на Линию с Дона и иных Войск, сразу же теряли это исконное казачье право и принуждены были подчиняться назначаемой сверху военной администрации. С 1861 года Линейцы вошли в состав Войска Кубанского и стали пользоваться одинаковым управлением с Черноморцами, составившими основание нового Кубанского Войска.

Такая же, если не худшая, судьба постигла одновременно или с течением времени и все другие казачьи Войска, заложенные выходцами с Дона, вынесшими оттуда свое старинное казачье право на свободное и ни от кого независимое самоуправление и принципы народоправства.

Таким образом, даже из этого крайне краткого очерка главнейших (основных) казачьих прав мы убеждаемся и видим, как рассыпаются в прах все неосновательные легенды и просто глупые сказки о каких то казачьих привиллегиях, дарованных им царями или русским государством. Сказки про эти привиллегии серьезно трактовались официальной русской историей, оживлялись и поддерживались — сознательно и бессознательно — многими русскими людьми, которые в этих „привиллегиях" и „царских милостях" казакам видели как будто действительно что-то особенно существенное и ценное для Казачества, упавшее им с неба и способное возбудить зависть у русских „обездоленных" людей. В конце концов, находились и среди слишком поддавшихся русскому влиянию казаков такие, которые, не зная или забыв свою историю, тоже начали верить чужим выдумкам о „своих" „привиллегиях"...

В последнее время этими фантастическими „привиллегиями" козыряют все политические противники Казачества — все единонеделимцы, все „русские казаки" и даже некоторые „соборники", — одни — завидуя и ненавидя эти „привиллегии", другие — „восторгаясь" и желая их возврата, а все вместе — прикрывают шумихой о них свои разные, но по существу враждебные Казачеству намерения.

На самом же деле, как видим, никаких таких „привиллегий" и прочих „знаков монаршей милости" Казачество никогда не имело. Не было никогда у казаков никаких „привиллегий", полученных ими откуда-то сверху, от постороннего правомочного источника. Никто ничего никогда не дарил Казачеству. Те же ценности материального или правового характера, которыми оно в действительности обладало, были добыты или созданы самим Казачеством в продолжении его исторического бытия. И то, что добыто и создано самим Казачеством, всегда было и есть его правом. Не „привиллегией", а правом — подчеркиваем это.

Русские цари никогда ничего Казачеству, как таковому, не дарили и никаких привиллегий не жаловали. Наоборот, цари казачьи права постоянно ограничивали, урезывали, уничтожали. То великое, ценное и святое, что Казачество само создало и имело еще задолго до столкновений с русскими царями, эти самые цари преступным насилием над волей казачьей уничтожали; грабили (как сейчас большевики!) добытые кровью и потом казачьи земли, самовольно раздавали их своим любимцам дворянам (как теперь русские большевики — своим людям!); распоряжались на казачьей территории, как в собственном крепостном хозяйстве (точно так же, как теперь красные оккупанты); насаждали у Казачества российскую чиновную бюрократическую администрацию и назначали казакам чужих генералов-атаманов (совсем так, как делает теперь Московская советская власть)... — Это ли не привиллегии?!

Что же тогда Казачество должно почитать за привиллегии: то, что у него было отнято, или то, что пока, до поры — до времени, оставалось нетронутым, — право Казачества за все свои войсковые земли и право полного своего свободного Войскового самоуправления или остатки земли по несколько десятин на душу и обломки самоуправления в станицах?! — И к тому же еще за эти „монаршие милости" Казачество должно

было напрягаться изо всех своих сил и изнуряться в тяжелой военной службе для пользы далеких русских интересов...

Вот весь этот грабеж, уничтожение прав и постепенную ликвидацию самого Казачества противники наши и называют привиллегиями. Все, что до революции в руках Казачества оставалось еще нерасхищенным и не отнятым, они и считают за казачьи „привллегии", „царские дары" и знаки „монаршей милости"... „Монаршая милость" состояла вероятно в том, что казачьи исконная историческая собственность и право не были еще „милостиво" отобраны! — Не есть ли это для всякого честно и правильно мыслящего — абсурд из абсурдов?

— Мое собственное добро, на которое я имею естественное и постоянное право, мне кто-то „дарит и называет это своей „милостью". Когда это добро от меня отнимает, называет свое насилие тоже „милостью". А когда у меня остаются всего только небольшие остатки моего добра, еще не отнятые, насильник называет это же „милостью" и „привиллегией"... — Не смешно ли это? — Не есть ли это издевательство грабителя над своею жертвою? —

Вот такой самый логический и моральный внутренний смысл имеют все дарственные, жалованные и прочие „милостивые" грамоты царей Казачеству. И на основании этих высокопарных и звонкословных грамот, прикрывавших своей пышной внешностью отвратительные злодеяния и преступное своеволие, создались дикие легенды про „привиллегии" Казачества!

Дело в том, что при присоединении Казачьих Республик к России не заключалось с ними никаких договоров, служивших хотя бы некоторой гарантией казачьих инструкций и охранением казачьих прав и свободы. Эти права много раз ограничивались, но остатки по тем или иным причинам признавались и подтверждались царями в форме различных грамот. По существу эти грамоты всегда более урезывали казачьи права и ограничивали казачью свободу и самоуправление, нежели подтверждали то, чем Казачество владело до издания тех грамот, не говоря уже о том, чтобы ими, грамотами, что либо Казачеству даровалось...

И что удивительно: целый ряд русских историков и юристов целыми десятками лет исследовал, переворачивал эти самые монаршие грамоты, вникал в их букву и суть, как будто серьезно делал из их содержания разные юридические заключения, строил схемы, а самого главного в них не обнаружил. — не обнаружил того, что эти грамоты всего только ловкие прикрытия совершенного царями и их правительствами нарушений казачьих прав и ограничений вольностей некогда свободного казачьего народа, что цена всем этим грамотам равна цене негодной фальшивой монеты. Но — сколько раз этой фальшивой монетой брящали и бряцают наши недруги! И надо было действительно нашего времени „переоценки всех ценностей", времени возрождения народов и борьбы их за свободу и справедливость, чтобы можно было обнаружить всю ту фальшь и пышную ложь...

Для единонеделимцев всех разновидностей все эти „всемилостивейшие" грамоты и до сих пор имеют как будто какое то значение, являясь в известном смысле „документом", когда им надо выставить против Казачества острие „привиллегий". Единонеделимцы, „русские казаки" и прочие действительные противники подлинных казачьих стремлений умышленно и сознательно или в наивном заблуждении могут еще позволить себе играть и забавляться этой подделанной деньгой — царскими „грмотами" и „привиллегиями", но пробудившийся от тяжелого сна вольный казак, обостривший свой взор и слух к совершающимся мировым событиям, а свое внутреннее чувство — к своей казачьей правде, свободе и праву, чувствует ясно во всех тех „монарших милостях" и „привиллегиях" внутреннюю жестокую фальш: сквозь пышные пустозвонкие строки тех „жалованных грамот" он видит цепкую кровавую руку русского правительства, сдавливающую казачью вековую волю... Вольное Казачество, осознавшее и ощутившее боль своих предков в неравной борьбе с российским самодержавием, знает теперь, что все те царские грамоты и дутые „привиллегии" были в сущности ничем иным, как грубым нарушением казачьего права и постепенным убиением его государственной жизни.

Если говорить о привиллегиях как таковых, то лишь один случай таких привиллегий имел место в казачьей жизни. Это — царские привиллегии казачьему новоиспеченному дворянству, вышедшему из казачьей старшины. Казачье дворянство действительно было привиллегировано по сравнению с казачьей массой и в своих сословных выгодах приравнено было к дворянству общероссийскому. Но для всего Казачества привиллегии казачьего дворянства были таким же самым попранием казачьего права, как и все остальные „монаршие милости", ибо они, во-первых, вопреки вековому казачьему обычаю и порядку, перекраивали в интересах отдельных лиц казачью войсковую собственность — территорию и отрезывали от нее порядочные таки куски в собственность этого самого дворянства, а во-вторых — разрушали правовое казачье понятие равноправия всех членов Войска.

Такие привиллегии никогда не принимались Казачеством за свои общие привиллегии, и потому при возрождении Казачества, в то время, когда оно восстановило все свои исконные права, дворянские привиллегии постановлениями Кругов и Рады были уничтожены. Этим Казачество с наибольшей очевидностью показало, что именно оно понимает и признает, как свое собственное право, не нуждающееся ни в чьем чужом утверждении, а что считало действительными привиллегиями.

Таким образом, Казачество в целом не только никогда не пользовалось никакими привиллегиями (никто ему не давал больше того, чем оно имело само), но при первой же возможности само ликвидировало привиллегии одного из своих сословий.

Все вышесказанное относится к вопросу о привиллегиях в связи с жалованными царскими грамотами, на которых такие лже-привиллегии основались. Но есть еще один источник легенд о казачьих „привиллегиях", возможно даже более широкий и действительный для смущения умов с примитивной, обывательской способностью мышления. Этим источником являются, так сказать, измышления гл. образом неказачьего населения Казачьих Земель, недавно туда пришедшего, питавшиеся, очевидно, простым сравнением уклада и образа жизни казаков и неказаков на казачьей земле (такие взгляды-измышления в значительной мере присущи вообще русской народной массе, что весьма умело использует сейчас и советская власть).

Крестьяне и иногородние (особенно „новоприбывшие"), жившие в казачьих Краях, сравнивая там свое бесправие или вернее — ограничения в правах (совершенно естественные, ибо они приходили на чужую для них землю и врезывались в чужую для них жизнь) с положением самых казаков, находили, конечно, в положении казачьем преимущества и склонны были расценивать их одни — по неосведомленности или недомыслию (другим это было выгодно) как какие то привиллегии, полученные, мол, казаками от царей... На те некоторые жизненные, правовые или социальные преимущества, которые казаки держали еще в своих руках, как сохранившиеся обломки своей некогда полной свободы и прав, русский крестьянин с завистью и жаждой смотрел как на нечто, что казак владеет ему (крестьянину) в ущерб, не по праву...

Такой конфликт двух мировоззрений — казачьего и русско-крестьянского — и привел к обострению иногороднего вопроса в Казачьих Краях во время революции. В конфликте этом положение Казачества было положением обороняющегося аборигена против наступающего колонзатора... Казачество, понимая такую русско-крестьянскую точку зрения, не может ни в какой мере принять на себя ответственности за обострение конфликта и последовавшие затем события, ибо — оно тоже хочет жить и не оно шло теснить русских, а русские шли теснить его...

Казак не мог и не смел отказаться от своих вековых человеческих прав на своей дедовской земле. Казачество, по примеру всех народов, имело моральную

и высокую обязанность защищать свои права и свою свободу от всяких чужих посягательств.

С падением царского режима и восстановлением Казачеством своих прав и свободы, на них — казачьи права и свободу — совершено новое посягательство все с той же стороны, хотя и под другими знаменами (но с одинаковыми намерениями!).

Обстановка все же несколько меняется. В то время, как старое иногороднее и крестьянское население Казачьих Земель усваивает казачью точку зрения и принимает постепенно казачью программу, а казаки, в свою очередь, мирятся со старыми иногородними и коренными крестьянами, готовы принять их в свою среду и зовут общими силами бороться за с в о е (общее) настоящее и будущее, фронт насильников-претендентов на казачье добро и казачьи земли расширился ныне от части новых русских колонизаторов казачьих территорий до почти всего русского народа. Для нас совершенно ясно это современное нападение на Казачество, это противо-казачье крестьянское движение, возбуждаемое и подогреваемое русским большевизмом, демагогией и собственной массовой „философией", питаемой животной ненавистью и жаждою захвата чужого добра и отрицающей в то же время чужие право и свободу. В общем, это русское крестьянско-иногороднее противоказачье движение, возглавляемое ныне Московской советской властью, можно охарактеризовать как движение чужесоциальных и чуженациональных агрессивных элементов, на Казачьих Землях ныне сущих или на казачьи земли стремящихся...

Но это не все. На такую же точку зрения по отношению к Казачеству становятся вообще единонеделимцы и некоторые „соборники" из противоказачьего лагеря, стараясь морально и как будто даже с правовой стороны оправдать всякую борьбу против прав Казачества. Ясно при этом, что для оправдания современного крестьянско-иногороднего колонизационного движения против казачьих прав само понятие казачьего права у таких противников Казачества искажается в „привиллегии"...

На первый взгляд могло бы даже показаться, что авторы такого искажения впадают просто в глубокое заблуждение или проявляют поражающее непонимание вопроса, о котором говорят и „учат". Но это — только на первый взгляд. Для нас не подлежит никакому сомнению, что в общей системе нападений на Казачество и на его права, под маской „привиллегий" кроется не непонимание, а сознательная политическая тенденция, имеющая задачей создание предубежденно-враждебного отношения к Казачеству как со стороны его соседей „внутренних", так и „внешних".

В. К. имеет свою точку зрения на решение крестьянского-иногороднего вопроса в Казачьих Землях, которую неоднократно высказывало и защищало. Здесь же только подчеркнем, что казаче-иногородний или казаче-крестьянский вопрос у нас должен разрешиться не в порядке насильственного ограничения иногородними и крестьянами (при помощи русских „красных", или „белых", или еще каких сил) казачьих привиллегий, а в порядке уравнения казаками в правах с собою той части старого (до-большевицкого) крестьянско-иногороднего населения Казачьих Земель, которое примет Казачью Программу освобождения и создания самостоятельного и независимого государства — Казакии — и, связав свою судьбу с Казачеством, станет рядом с ним против общего врага...

Вл. Куртин.

10 декабря 1932.

Пятилетние итоги работы журнала. Итог 118 номеров литературно-политического журнала. Точнее — сплошь политического. Ибо в.-казачья литературная семья и не могла дать журналу литературу „легкого чтения (время то слишком уж не легкое!). Ни романов с „продолжение следует". Нет ни времени ни места. Да и не место. Не могла дать искусства ради самого искусства. Но это не значит, что она свое искусство подчинила политике — установлению и разрешению своих национально-политических проблем. Это значит, что установление и разрешение своих национально-политических проблем настолько глубоко захватило мысли и чувства казаков, что ни о чем ином просто невозможно ни думать, ни говорить.

А боли казачьи слишком уж велики, душевные переживания слишком трагичны, а задачи, стоящие перед Казачеством по своему значению равноценные: быть или не быть Казачеству — слишком уж властны, чтобы в душе и сердце казака нашлось место для чего другого, кроме единого:

Спасти свою прекрасную Родину.

И не только спасти физически. Но и дать стройные формы будущей государственно-правовой и социальной жизни нового государственного организма:

К а з а к и и.

Союза Вольных. Братства Равных.

Смелый, дерзновенный взлет творческой мысли в наше сумбурное, квёлое время:

Распыленную и порабощенную, с усыпленным или извращенным национальным самосознаньем, казачью массу

сгрудить

и поставить у порога прекрасного, родного храма

К а з а к и и.

И — новой верой в старого Бога зажечь их сердца, казалось, уж безнадежно атеистические.

Из тоски по далекому прошлому, из романтики старых казачьих вольностей и жажды живой жизни, достойной культурного, национально осознавшего себя человека, создать гармоническое, современное здание своей государственности и доказать чужим (и отчуждившимся своим), что все выкладки, кубатуры, когезии и сопротивляемости высчитаны правильно.

И что Вольно-Казачий Стиль выдержан по всем линиям.

И всю эту работу выполнить в легко доступной казачьему пониманию (и времени) фрагментарной форме. В исключительно тяжелых условиях эмигрантского бытия, в атмосфере травли, гнусной лжи и провокации...

Нужна была непоколебимая вера в свой народ, вещее сердце и необычно твердая воля, чтобы открыто заявить о никогда не прекращавшейся преемственности Вольного Казачества и собрать строителей

Вольно-Казачьего Храма.

Первый номер „В. К. — ВК" был блестящим метеором, пролетевшим по хмурому казачьему небу. И впечатление, произведенное им на казаков, было подобно тому, какое на русских рабов-крестьян произвел манифест Александра II:

... осени себя крестным знамением и
призови Божье благословение на
свой собственный труд...

Ибо Первый — первый раз заговорил о своем, казачьем...

Но, вместе с первым воодушевлением и под'емом от неожиданного призыва Первого...

„Чорт побери! так хорошо, смело, что боюсь: не окончим-ли всего лишь

— Первым?"*)

И — яд сомнения.

— Где уж нам-уж!..

— Второй номер!

Тревога сменилась уверенностью, большею даже, чем нужно было для в.-казачьего дела. Затеплилась вера. Не в себя, не в себя — к сожалению. А — в центр! Он, мол, — поведет!.. Он все сделает!..

---

*) Из письма.

Ибо пылкая фантазия уже видела прочно организованный центр со всеми атрибутами революционной явочной — Власти.

И — кое-кто уже „штык точи"... А кое-кто — место „вождя" ожидал.

Масса-же казачья, по старой привычке, в центральных вождях —

Атамана видела.

Не Донского. Потому что... Известно почему! Но Кубанского.

— Молчит, мол. Значит — т а м, где казачество организуют для продолжения борьбы

За свой порог и угол.

И даже те, кто по своему служебному положению не могли не знать, что и Кубанский Атаман от вольно-казачьего далеко „с гаком", уверяли „провинциалов", что это он —

„пока".

Из дипломатических соображений.

А журнал, в последующих номерах, черную работу предлагает:

Начинай с самого себя!

Ну и „разочаровалась" многая старшина.

— Что-ж нам учиться, что-ли? Да еще от кого — от писак!..

И затосковала по насиженным местам, старым караулкам...

Где волны Аракса шумят.

. . . . . .

Каждого 10-го и 25-го Пражская радиостанция рассылает по свету номера „ВК". Каждого 10-го и 25-го Гнат Білий перед мегафоном:

Галло!.. Галло!.. „ВК" предлагает всем, у кого еще б'ется казачье сердце, —

— Пошевелите мозгами!

— Разберитесь хорошенько в недалеком прошлом. Разберитесь — в чем корень всех наших „неудач", доведших до позорной сдачи

Свободы и Родины!

И на страницах „ВК" разобрались казаки:

— Корень всему злу — наша неподготовленность. Не боевая, а

политическая.

Страшные слова: „политическая подготовка" были, наконец, произнесены.

„Преступная" работа: политическое образование и национальное воспитание — началось.

А вместе с тем разгорелась и травля занимающихся „политикой" казаков. Злобная, грубая травля, не брезгающая даже такими средствами как обвинение в. казаков в... большевизме. Лживые доносы. Выкидывание с мест, дающих в. казакам-эмигрантам заработок куска хлеба.

Избранники политически свободных казачьих Войск, казачьи Атаманы с „податаманами", подняли с энергией, достойной лучшего применения, хайку против в. казаков.

Против кого?.. Против своих же родных казаков, против своей „меньшей братии" и тех, кто вместо слепой силы, вооружается силой знания.

Казачьи Атаманы в условиях эмигрантской жизни ополчились против той политики, благодаря которой они и называются атаманами, а не просто генералами.

Позванные представлять собою равнодействующую политических течений своего Края, употребляют всю свою энергию и авторитет своего поста на отрицание тех сил, из которых равнодействующая составлена.

„ВК" дало им резонную отповедь: — Глава суверенного народа должен быть вне политики". Но он не смеет не знать политику народа, который собою представляет, не смеет идти в разрез с народной политикой, кратко формулированной в тексте присяги.

Из последующих номеров „ВК" казаки увидали, что „ВК" б'ет не в бровь, а в глаз, что все вещи называет их собственными именами, что мужественно говорит:

Суббота человека ради, а не человек ради субботы. Хотя-бы эта суббота и звалась — Атаман.

„ВК" вылечило казаков от их слепого преклонения перед авторитетом — „звания".

Сколько „бессмертных", будучи подвержены об'ективной, свободной критике, оказалось свергнутыми со своих пьедесталов! Сколько „королей" оказалось „голыми"!

И этим и об'ясняется тот бунт духовно и идейно обанкротившихся бывших „вождей" против ВК.

Неспорными фактами из прошлого и настоящих дней „ВК" доказало Казачеству, что никакой барин, как бы он ни назывался, Казачеству не поможет и помогать не собирается. Да и не достойно ожидать помощи от „барина". Тем менее — спасения. Казачеству нужно в самом себе искать силы и средства для своего спасения. По сербской пословице:

Полагаться на себя и на своего коня.

Это не значит, что „ВК" не искало, не нашло и не имеет союзников. Но — союзники это одно, а безоговоронность и непредопределенка — другое.

Правда, настоящих безоговорочных сейчас среди казаков не много. Но и в этом главную роль сыграло „ВК", отыскавшее среди казаков сотрудников, не побоявшихся, вопреки грозным окрикам Атаманов, приняться за политическую азбуку.

Учиться никогда не поздно. И — вольные казаки учились. И учатся. И напрасно песочные авторитеты с высоты своих московских ходуль злобно ухмыляются на „копошащихся внизу мальчишек". Эти нынешние „мальчишки" были действительно мальчишками, когда в угоду „мудрым" головам разбивали свои бесшабашные головы, пробивая путь к Москве-Матушке. В мальчишестве своем они не знали, что насильно мил не будешь. Даже — Московской Матушке. Для „вождей" это не было секретом. А все вели. Пробивали дорогу — для себя, потому и сейчас зовут —

Авось, мол, на этот раз доберемся.

А казаки, что-ж — народ привычный. И на Аракс будут караулки оберегать... Если конечно останутся для караулок.

Зовут. Зелеными надеждами с „горнистом" пыль в глаза пускают. А „приказами" чистоту казачьих, политических нравов блюдут...

А „ВК", развив у казака критический подход ко всем „maximam", до того беспрепятственно подносимым вождями и безоговорочно воспринимаемым „райей",*) оголив всю неприглядность вожделенной политики „вождей", зорко стало на страже интересов Казачества и теперь уж не только „безоговорочные", но и „федералисты" казаков не околпачат.

Отличительной чертой „ВК", свойственной лишь здоровым, жизнеспособным политическим движениям, является — бескомпромиссность.

Никакого оппортунизма, никаких —
постольку — поскольку.
Или — или.

Или вольный казак в свободной, суверенной хате, или — уйди.

Во всех своих 118 номерах журнала в. казаки решительно открещиваются от самостийников

впредь до,

хотя бы в данное время их практическая политическая деятельность совершенно совпадала с таковой же самих в. казаков.

В этом некоторые казаки, даже и среди своих, видят „закрепощение" постоянных или временных сотрудников „ВК — ВК". Но это не так.

„ВК — ВК" не „альбом" кисейной барышни, в который досужие кавалеры записывают свои стишки и статейки. И не „жалобная книга". Не „информационный" лист, поддерживающий поколебленный престиж — вочто-бы-то ни стало.

„Вольное Казачество" — набат, зовущий распыленных под родное знамя.

Сирена, призывающая на спасение одного, точно обозначенного корабля...

„Вольное Казачество" — жертвенник, на котором 10 декабря 1927 года раздут огонь, много лет тому назад засыпанный пеплом Сичи и Донских Городков.

И как жертвенник перед единым Богом:

---

*) Бесправными, „чернью".

Свободным, Независимым Казачеством,
не может и не должен быть профанируем верующими
Впредь до!

„Вольное Казачество" не однодневка, фиксирующая на своих страницах „сенсации" дня, но Горн, в котором выплавливается Великая Идея —

Казачья Правда.

Те, что в изгнании п е р в ы е заговорили свободным казачьим языком, что перешли от дум к слову, что очистили Авгиевы конюшни — Казачью Историю, те что смело устремили свой вещий взор на будущность родного народа; те казачьи первосвященники имеют моральное право сказать за журнал „ВК-ВК":

— Се повесть: какова была, кем и как закопана Казачья Воля.

И позвать распыленных и угнетенных на путь Воскресения.

Вольным Сотрудникам имеют право сказать:

Когда Вы исповедуете наше В е р у ю — молитесь в нашем в.-казачьем храме. Когда же находите возможным совмещение служения Казачьей Идее со служением гробокопателям нашей Идеи — лучше уйдите. Нам с Вами не по пути.

Аскетическая суровость в служении Казачьей Идее — не есть „диктаторская линия". В особенности, если эту „диктаторскую линию" применить к нынешнему редактору журнала „ВК-ВК". Ибо, пусть не беспокоятся претенденты в „атаманы-президенты", роль его (редактора):

Чорная, подготовительная и неблагодарная работа.

А утверждать, что Вольно-Казачье движение не имеет корней в прошлом, ни реальных основ для осуществления идеи ВК в будущем, что это продукт эмигрантского творчества, — могут лишь те, кто с такой-же „очевидностью" утверждают, что и само Казачество есть всего навсего продукт колонизационной политики русского правительства.

Таких все-же среди казаков уже мало.

Утверждать или отрицать что-либо — с точки зрения собственных интересов — явление, конечно, не новое. Вот и сейчас, напр., итальянская печать „доказывает", что приморский кусок Югославии (где, кстати сказать живут одушевленнейшие югославяне еще со времен Людовика Посавского) по составу своего населения — итальянский. И тем создает среди читателей мнение совершенно противоположное истине. И, конечно-же, не зазыванием европейского общества в югославянское приморье борется Югославия с „доказательствами" итальянской печати. А тоже — печатью.

Казачество, не имевшее своего печатного органа, третировалось общественным мнением Европы так, как оно (Казачество) „показывалось" русской эмигрантской печатью.

С появлением журнала „ВК-ВК" общественное мнение Европы начало узнавать правду о казаках от самих казаков.

И уже в этом одном заключается неоценимая заслуга журнала и его редактора перед Казачеством, помимо того, что за 5 лет существования журнал „ВК-ВК", разойдясь по свету, разыскав казаков на всех континентах, открыл им глаза на их прошлое и духовно собрал их около единой идеи:

Освобождение и возрождение Родины.

И вот потому каждый, кому дорого будущее Казачества, не может не пожелать дальнейшего преуспевания журнала „ВК-ВК", этого духовного фундамента будущего

Союза Вольных — братства равных:
К а з а к и и.

Шамба Балинов.

В чем спасение.

Главный козырь большевиков — „пятилетка", перед которой многие поклонялись, провалилась или проваливается. Власть большевиков по об'ективным свидетельствам иностранцев зашла в тупик. Жизнь в стране стала совершенно невыносимой — дальше некуда.

Но не блещет благополучием и „мир капиталистический", где политические, экономические и социальные противоречия так велики, где противоречивые интересы государств так трудно примиримы.

На Дальнем Востоке происходят события, могущие оказаться чрезвычайно „интересными" по своим последствиям...

Великие державы, ослабленные все еще продолжающимся страшным мировым экономическим кризисом, вынужденные каждая в отдельности как то налаживать свои внутренние дела, пока еще не в состоянии предпринять необходимые меры по ликвидации грозных очагов возможного взрыва.

Одним словом струна мировой политической скрипки все больше и больше натягивается и многие уже серьезно спрашивают — выдержит ли, не лопнет ли?

Недостатка в предсказателях о все больше и больше сгущающейся над миром политической туче нет. Предсказывают, что гроза близка.

И в самом деле, гроза как будто действительно надвигается. Гроза может быть и очистительная, но все же страшная.

Нет никакого сомнения, что перед лицом этой возможной мировой грозы все казаки, как нечеловеческим стоном стонущие под большевицкой пятой, так и в эмигрантском рассеянии сущие, думают о своей собственной судьбе и не раз задают себе вопрос: в чем же спасение, где же выход?

Нам не легко узнавать о том, к каким конкретным политическим выводам приходят казаки „там". Но за то мы отлично знаем, как на этот естественный и страшный вопрос отвечают, какой рецепт спасения Казачеству готовят различные казачьи политические группировки здесь.

В общих чертах все эти „рецепты" известны, но в день пятилетнего юбилея „ВК" об этих „рецептах" следует напомнить казакам, чтобы они лишний раз убедились в их непригодности. Следует также сказать, в каких „лабораториях" эти „рецепты" готовятся.

Принято эмиграцию упрощенно делить на две части: политическую и обывательскую, что до некоторой степени соответствует действительности и применимо к казачьей эмиграции. Еще точнее было бы делить на часть, так или иначе политически себя проявляющую, и на часть, хотя политикой интересующуюся, но пока выжидательно-молчащую.

Оставив в стороне эту „молчащую" часть казачьей эмиграции, будем говорить только об ее политической части, в которой разные алхимики, каждый на свой вкус, сообразно своему душевному тяготению, вырабатывает и различные „рецепты" спасения Казачества. В свою очередь, эта казачья политическая эмиграция делится на две резко отличные части: на „единонеделимцев" и на самостийников.

Лагерь казачьих „единонеделимцев", представляя из себя все цвета русской политической радуги, в сущности является больше защитником русских интересов, чем казачьих, ибо каждая из входящих в этот лагерь группа или лицо, соответственно своей политической симпатии или антипатии (как курьез отметим, что некоторые казачьи „вожди" свою политическую линию поведения определяют, исходя из своего отношения к личности того или иного русского „вождя"), так или иначе связаны с русскими политическими группировками, а часто выполняют волю своих русских патронов и „казачий вопрос" решают с точки зрения интересов России.

Эти казачьи „идеологи", от кирилловцев, через Миллера, Милюкова, до сторонников Керенского, одни наивно-искренно, другие расчетливо-хитро. готовы прине-

сти Казачество в жертву, поступиться его правом и жизненными интересами во имя государственного единства „Великой России“, представляемой каждым из них по разному — от монархии до России „свободных советов“ включительно.

Говорят, что ясная постановка вопроса — есть и частичное его разрешение. А у казаков „российской ориентации“ этой ясности нет и когда их в этом упрекают самостийники, что они не знают, чего хотят, то они изволят обижаться и, патетически ударяя себя в грудь, кричат: мы — лучшие казаки, мы за „матушку Россию“, какая бы она ни была!

Очевидно, что истерического проявления российского патриотизма на улицах европейских городов далеко недостаточно для правильного понимания подлинных интересов Казачества и для рациональной защиты его прав. Но нужно отдать им справедливость, что они таким своим заявлением — Казачество в составе какой угодно России — (некоторые даже уточняют — лучше будет СССР, чем отделение, чем самостоятельность Казачества) — вносят в „казачий вопрос“ достаточную ясность, заранее предрешая подневольное существование Казачества, лишь бы сохранилось российское единство. Тем самым обнаруживается один несомненный факт: что у разномастных казачьих „единонеделимцев“ нет самого основного, что является главным китом в делании казачьей политики, о чем вольные казаки в день пятилетнего юбилея „ВК“ должны лишний раз заявить вовсеуслышание:

У них нет веры в возрождение Казачества, в его творческую духовную силу, а потому у них нет чистой казачьей политики, а есть бесконечное сиденье на двух стульях. У них „ставка“ не на Казачество, а на „Великую Россию“. Это — главная их цель. Соответственно этому, у них неправильное освещение казачьей истории, как далекой, так и близкой, постоянная попытка как то косвенно принизить Казачество, упорно „доказывая“ его слабость, беспомощность; отсюда и бешенные нападки на самостийников, имеющие целью как-то очернить их идею, угасить их казачий дух.

Одним словом, у них — глубокий кризис казачьего сознания, вернее полное отсутствие казачьей точки зрения, а потому — туманная по внешности (для каждого какая-то особая Россия), фальшивая по содержанию (государство в государстве!) „казачья“ политика — Казачество в составе „Великой России“, этой мистической формуле, долженствующей каким то чудом родиться из исторического пепла, своим появлением уничтожить миллионы большевиков, очистить все высокие и теплые места и, наконец, обратиться к эмигрантским „вождям“: придите и володейте!

Много раз вольные казаки на страницах „ВК“ и в устных своих выступлениях разбирали и разбивали „доводы“ „русских казаков“. Делали они это, опираясь на неопровержимые факты истории. Но есть вещи, кои следует как можно чаще повторять.

Не нужно заглядывать в далекую, историю, а достаточны примеры из недавней эпохи, которые нам убедительным образом свидетельствуют, что в составе какой бы то ни было России песенка Казачества спета. Для уразумения этой простой истины достаточно только перестать носиться с никогда в жизни не имевшей места какой-то идеальной Россией, а просто спокойно посмотреть на то, что было, что есть. Говоря о политике, не нужно ударяться в какую-то глубочайшую и тончайшую философию, а сказать понятным и простым языком то, чем в действительности она есть. А она (политика) в конце концов сводится к одному: национальная политика — как лучше устроить жизнь и благополучие своего народа; классовая политика — как обезпечить лучшую долю для своего класса.

Вольные казаки не ставят своей целью облагодействовать все человечество, а ставят себе задачу: как достичь лучшей доли для Казачества. А когда поставишь этот вопрос, то ответ сам собой напрашивается: лучшую долю Казачество найдет только при самостоятельном существовании, ибо каждый казак отлично знает, что лучше: быть ли самому хозяином или быть работником хотя бы и у богатого хозяина.

Все недавнее прошлое говорит казакам, что иного пути спасения Казачества, его процветания, кроме самостийного, нет.

Вольные казаки знают, что при царской России казаки насильственным образом были превращаемы в особую касту „царских слуг“, обязанных „верой и правдой“ служить чуть ли не от колыбели до могилы. Но мы не будем для иллюстрации этого утверждения ссылаться на вольных казаков, а сошлемся на авторитетного казачьего „единонеделимца“, В. А. Харламова, который утверждает: „правда, охотно давались отпуска и даже поощрялись начальством одно занятие — служба полицейским урядником и стражником на рудниках, фабриках, заводах, в крупных экономиях и т. д... Единственное свободное приложение сил и труда казака. Оно как раз соответствовало видам и намерениям правительства. В соответствии с этими видами направлялась вся жизнь казака, просвещение задерживалось и искусственно культивировалась обособленность казаков. В Петербурге дошли до создания проекта искусственного подбора казаков. С пишущими это строки (т. е. с В. А. Харламовым. Ш. Б.). Начальник Главного Штаба Военного министерства ген. Михневич серьезно обсуждал проект из'ятия из казачьего населения всех казачьих Войск всей интеллигенции. Михневич говорил: казак-врач, инженер, агроном, адвокат, учитель и т. д. это уже не казак. Всех их надо лишать казачьего звания, лишать земельных паев и выселять из станицы, Мы оставим 400—500 тыс. семей казаков и нам казачки нарожают достаточное число пригодного элемента“... („КП“, № 19).

Как видите, России нужен был не казак, не гражданин, а всего на всего „пригодный элемент“ для жандармской надобности. И как будто дело было недалеко от того, что образ казака был бы заменен нужным России „элементом“ — просвещением незатронутым, умственно тупым, способным только „глазами пожирать начальство“, физически здоровым типом...

Так было при монархической России. А что есть при коммунистической России, мы все отлично знаем, что ни от кого не скрывается и самими большевиками. Создавшееся там для казаков положение один из героев Шолоховского романа („Поднятая целина“) — Яков Лукич Островнов характеризует очень коротко и ясно: „некуда дальше“. И казаки, дошедшие до „некуда дальше“, входят в „Союз Освобождения Родного Дона“ (Обратить нужно внимание — не России, как это нам в эмиграции толкуют наши б. „вожди“!) и они верят тому, что „если мы дружно сорганизуемся и выступим именно сейчас, то к весне при помощи иностранных держав Дон уже будет чистым“... (Слушайте же те, кто боится для освобождения Казачества иностранной помощи, как думают казаки „там“!).

Также все знают, что и как было и при третьей, демократически-социалистической России. С одной стороны — „казакам нужно потесниться“, с другой — мобилизация двух военных округов против Казачества!

Ко всему этому, необходимо всегда помнить, что не спроста же в 1917—20 г. г. Казачьи Края самоопределились, отложившись от России. Напрасно некоторые относят время возникновения „казачьих государственных образований“ к моменту „октябрьского переворота“ и упорно „об'ясняют“ это — нежеланием казаков подчиниться только большевикам.

А не имела ли места казачья государственная независимость уже в августе 1917 года, когда Дон категорически отказался исполнить требование общепризнанного русского центрального правительства? Не был ли этот отказ достойной защитой Донским парламентом прерогатив уже существовавшего независимого государства? Не было ли это зычным окриком Казачества: „руки прочь от Казачества?

Вопрос тогда правительством Керенского был поставлен резко: Дон — провинция России и он должен беспрекословно слушаться русского центрального правительства. На этот резко поставленный вопрос Донс-

кой парламент ответил не менее резко: Дон не повинуется приказам русского правительства.

Пусть ныне здравствующие казачьи „вожди", участники тогдашних событий, ответят, кто был прав: Донской Круг или Керенский?

Мы считали и считаем, что прав был Донской Круг. Это был ответ самостоятельного государства, ревнивая защита исторического и священного права Донского независимого государства.

Таковы факты жизни, которые, казалось бы, должны были, наконец, обезоружить казачьих „единонеделимцев", охладить их пыл. Три России, бывшие и сущая. Две из них подготовляли, а третья завершает дьявольское дело над живым телом многострадального Казачества...

Для всех тех, кто не парит в заоблачных высях, ясно, что вхождение Казачества в состав какой бы то ни было из этих трех России — есть и конец Казачества. А отсюда логический вывод — свое спасение и возрождение Казачество может найти только в самостоятельном, ни от кого независимом бытии.

На этом освободительном пути есть, конечно, много препятствий. Первое и главное из них — советская власть в наших Краях. Для изгнания ее нужна борьба, а во всякой борьбе нужны и стратегия и тактика. Вольные казаки должны быть хорошими стратегами и отличными тактиками, чтобы добиться своей цели.

Нужно помнить, что своей свободы и самостоятельности мы добьемся тем скорее и легче, чем скорее мы добьемся союзного, об'единенного действия со всеми теми народами, которые борятся также за свою национальную независимость и при умелом использовании могущей создаться благоприятной для нас международной обстановки.

А затем, после освобождения, после всех тех культурных, хозяйственных и физических опустошений, произведенных оккупантами, наладить и направить по нормальному руслу всю народную жизнь опять таки можно при установлении братского сотрудничества и взаимопомощи всех освобожденных народов:

К освобождению, миру и братству между народами Востока Европы в первую очередь и стремятся вольные казаки.

И недаром вольноказачьи поэты поют:

Мы мира хотим и для Мира всего,
Всему человечеству Воли желаем.

А. Ленивов.

Первые казачьи самостийники.

(Исторический очерк).

Отмечая день 5-летнего юбилея существования органа казачьего освободительного движения — журнала „Вольное Казачество", надлежит ведать, что воля и стремление к созданию Казачьей Государственности, никогда не исчезали в казачьей среде, но жили и созидались с незапамятных времен... Глубокую неправду вершат те злые люди, которые утверждают, что Казачья Самостийность определилась в казачьем сознании лишь в революционный период 1917—1920 г. г! Утверждаем, что современное Вольно-Казачье самостийное движение есть всего лишь естественное и логическое завершение той самостийной идеологии, которая укоренилась в казачьем мышлении еще в 80-х годах XVII века, т. е. в период времени, последующий непосредственно за утратой государственной самостоятельности Донским Войском.

В предверии действенной борьбы за освобождение Казачества, а вместе с тем и создания казачьего самостоятельного государства — Казакии, каждый казак обязан знать о том, как и откуда пошла Казачья Самостийность и кто были казачьи самостийники — предатели-ли в отношении Казачества, или-же истинные казаки-националисты, честные казачьи патриоты, бесстрашные борцы за Волю и Вольность Казачьи...

Разиновское движение, потрясши основательно Московское государство, было подавлено, вслед за чем наступили репрессии со стороны „предержащих властей" в отношении Донского Войска, природным казаком коего был Ст. Разин. Московское государство, стремясь обезопасить себя на будущее время от враждебных умыслов со стороны донских казаков, заставило последних принести присягу, каковое обстоятельство и имело месго в день 29-го августа 1671 года. Проведя это мероприятие, Москва полагала, что тем самым предупреждается и организация нежелательных для нее движений в среде Казачества и установление казаками связи с враждебными ей государствами.

Вынужденная присяга Донских казаков по „крестоцеловальной записи", знаменует собой в государственно-политическом отношении утрату независимости со стороны Донского Войска и переход в зависимость от Московского государства.

1671 год остался жить в памяти Казачества... дух казненного Степана Разина витал в воздухе, политическая мысль казаков начала работать в определенном направлении, готовя отпор посягательствам Москвы. Так, в том же 1671 году с'езжий Круг Донского Войска, имевший место на Кобековой горе (у современной Аксайской ст.), разгадав намерения старшин, домогавшихся получить разрешение на постройку опорных пунктов (для Москвы) на Каланчинской протоке и Казачьем Ерике, ответил отказом. Сверх того, Войсковой Атаман был „скинут" с атаманства, а главный агент Москвы из рядов Донской казачьей старшины — Колуженин Родион, жестоко избит казаками и спасен от смерти бегством в Ратный городок к московскому воеводе кн. Хованскому.

Далее, нововведения патриарха Никона (треперстное крестное знамение, литургия на 7 просфорах, хождение против солнца при венчании и крещении), наступивший вслед за этим церковный раскол, вызвали сильный религиозный протест. Стремление к введению на Дону никоновских реформ, являлось посягательством на религиозный быт Казачества, ибо Донская церковь была по своему существу и основе автокефальной, совершенно независимой, как от всероссийского патриарха, так и от Московского митрополита; например: ни тот, ни другой не поминались в казачьих церквах. Москва, преследуя раскольников, усматривала в них не только противное церковное начало, но и политически-враждебную силу, которым явно покровительствовали донские казаки. Сообразно последнему, Московское государство, потребовавшее выдачи раскольников для суда, встретило в лице донских казаков враждебно-оппозиционный элемент не только в религиозном отношении, но и в политическом значении...

В немалой степени способствовало усилению политического брожения среди донцов и пребывание Московских войск в т. н. Ратном городке на Дону. Во всех казачьих городках собирались местные казаки на майдан и обсуждали, что надо предпринять в отношении Московских стрельцов, дабы отвадить у них желание вновь появиться на Дон. Наиболее господствующим настроением было стремление со стороны казаков перебить всех Москвоских стрельцов, а в случае появления на Дону карательных отрядов из Москвы, заключить мир с турецким султаном и крымским ханом, заручиться их союзнической помощью и начать борьбу с Москвой. Большую моральную поддержку в данном отношении оказывал донским казакам и Гетман Брюховецкий, предупреждая их о том, что сделала Москва с Украиной...

Резкий нажим и попытки Московских верхов влиять на внутренние взаимоотношения донских казаков, дали определенные результаты. Резко определившийся анта-

гонизм во всех слоях Донского Казачества привел к образованию двух партий, именно: старшинской (московской) и партии независимости, носившей еще наименование раскольничьей партии, за свое благожелательное отношение к раскольникам. Старшинская партия состояла из богатых казаков (и это главным образом), людей с известным авторитетом в силу или своего прошлого или настоящего. В религиозном отношении эта партия являлась проводником и защитницей нововведений патриарха Никона; в политическом же отношении старшинская партия тянула к Москве, приглядывавшейся к развертывающимся событиям на Дону. Личный состав „партии независимости" подобрался из рядов голутвенного казачества — „голытьбы", горячо отстаивавшей не только свободу старого обряда (веры), но и защищавшей основы Донской независимости, хранившей заветы донских вольностей, ненавидившей от всей души московские порядки. Во главе „партии независимости" стоял Войсковой Атаман Самойло Лаврентьев, старшина К. Чюрносов, Кузьма Косой и др.

В 1681 году Войсковой Атаман Самойло Лаврентьев разрешил попу Самойле (раскольничьему) богослужение по старым книгам в Черкасском соборе св. Воскресения и закрепил эту меру постановлением Войскового Круга. Этот акт был истолкован Москвой, как активное выступление против нее. И действительно уже в эту пору на Дону велась самая интенсивная пропаганда в пользу отделения Донского Войска от Московского государства. В частности, в казачьих церквах во время церковных служб перестали поминать московских царей, молиться о „христолюбивом русском воинстве", на войсковых майданах пить вино „за государево здравие" и т. д. Более того, те казаки, которые пытались отстаивать позиции Москвы, подвергались риску быть убитыми, что и имело место на Войсковом Круге с казаками Фомой Голодновым, Василием Инжировым, попом Василием.

Пропаганда против Москвы велась самым интенсивным образом, причем старшина Кузьма Косой открыто призывал донцов к походу на Москву. Другой же старшина Кирилл Матвеевич Чюрносов, для той-же цели производил набор казаков в северных городках. Под влиянием самостийников, Войсковой Круг строжайшим образом повелел прекратить называть всех признающих обряд старой веры „раскольниками", разрешил попу Самойле исправлять в Черкасском соборе иконы (на двуеперстие) и т. д.

Получая сведения о брожении среди донских казаков, направленном в сторону отделения от Московского государства, Москва решила принять соответствующие меры. Так, Фрол Минаев, вернувшийся на Дон из похода, сумел инспирировать „старшинскую" (московскую) партию к активным выступлениям. В конечном итоге Войсковой Атаман Самойло Лаврентьев был смещен с атаманства, а старшина Кузьма Косой выдан в Москву. Дальнейшие попытки Москвы прибрать к своим рукам „раскольничью" (самостийную) партию на Дону известное время не имели успеха. Троекратное требование Москвы о выдаче б. Войскового Атамана Самойлы Лаврентьева не имели положительных последствий, ибо Войсковой Круг оставлял без внимания те требования. Мало того, на Войскового Атамана Фрола Минаева было сделано покушение, сообразно чему он и покинул свое атаманство.

Дальнейшие события рисуются в следующем виде: 6 февраля 1688 г. был арестован в Москве Атаман Донской Зимовой станицы — Кирилл Чюрносов, по обвинению в расколе на Дону; 5 марта того-же года он и его сподвижники — есаул Иван Рабыцин, Петр Рыковсков, Федор Чирсков и др. были заключены в тюрьму по обвинению в стремлении возмутить донских казаков против Москвы. 10 апреля под влиянием весьма недвусмысленных угроз Москвы, Войсковой Круг выдал Самойлу Лаврентьева и всех остальных руководителей „раскольничьей" партии — на Москву. Спустя месяц, именно в день 10 мая 1688 г. в Москве на Красной площади при многолюдном стечении народа состоялась казнь первых казачьих самостийников. Под ударами топора московского палача с плахи скатились головы — б. Войскового Атамана Самойлы Лаврентьева, старшины К. Чюрносова, старшины Кузьмы Косого, попа Самойлы, есаула Ивана Рабицына, Петра Рыковскова, Федора Чирскова и многих иных членов „раскольничьей" (самостийной) партии.

За что-же боролись эти первые казачьи самостийники и почему они создали движение в пользу отделения Донского Войска от Московского государства, спустя всего несколько лет по утрате государственной самостоятельности донскими казаками? Лучшим ответом послужит перечисление всех „мероприятий" со стороны Москвы в отношении Донского Казачества, имевших всего лишь одну конечную цель — сделать Донских казаков подданными Московского государства, что и было в конце концов достигнуто. Донское Войско перестало существовать, как самостоятельное государство, оно было превращено в Донскую губернию...

Чужинец.

Адам Мицкевич в казачьем стане. Конец Оттоманского казачества и М. Чайковского.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Целью М. Чайковского, в конечном счете, было возрождение казачества, освобождение его из под власти государства Российского, об'единение его под властью гетмана всея Украины (гетманом должен был стать сам Чайковский) и — наконец — вхождение федеративной Казакии*) в состав Польши, на основе федерации Польши, Литвы и „казачьей Руси". В случае невозможности осуществить полностью этот план, Чайковский не имел ничего против самостоятельного, независимого и от Польши, и от России, федеративного казачьего государства. Первым шагом к этому было об'единение в Турции под его властью всех казаков-эмигрантов из России и создание регулярных полков Оттоманского казачества.

Не только большой план не удалось осуществить Чайковскому, но и самое провозглашение открытой борьбы за освобождение Украины и казачьих краев от русской власти оказалось невозможным. Руками польских религиозно-национальных фанатиков из под власти Чайковского была вырвана часть его регулярного войска, уничтожен (правда, более номинальный, чем по существу) казачье обще-славянский характер этой части.

В этот период борьбы Чайковского с его противниками из среды польской эмиграции ему удалось одержать большие моральные победы, привлечь симпатии адама Чарторыйского, историка Ходзько и, в особенности, великого поэта Адама Мицкевича. Моральная поддержка, оказанная Мицкевичем „казачьему делу" Чайковского была очень велика. Он не только благословил Чайковского на продолжение его дела, но и сам поехал к нему на Восток, чтобы лично, на месте, всемерно помочь ему в борьбе с клерикально-католическими и узко-националистическими элементами. Мицкевич был не менее поляк и католик, чем Замойские и проч., но освобождения Польши он ждал не от единичного усилия польского народа, еще не оправившегося от поражения 1831 г., а от общих усилий всех народностей России, считавших себя угнетенными и жаждавших разрыва с Россией.

*) Употребляем нынешний термин, чуждый Чайковскому, но смысл его вполне отвечает его мысли.

Эта поездка оказалась роковой для Мицкевича. В Турции он скоропостижно скончался, от холеры, как думали тогда, от яда преподнесенного политическими врагами из среды польской эмиграции, как думают теперь некоторые из польских историков. Так или иначе, последним делом жизни великого славянского поэта было благословение, данное им вольно-казачьим идеям Чайковского.

От'езд Мицкевича на Восток был осуществлением желания „повидать своими глазами возлюбленных казаков". Он предрекал для поэтов наступление новой эры — эры песнопений в честь подвигов нового казачества. „Вон Садык-паша (Чайковский) уже поет себе там, гарцуя со своими молодцами по придунайским степям — это жизненная, это благословением Божиим осиянная мысль; ибо Бог ему дозволил, дал дождаться жатвы после своего сева"...

Когда ему в парижской квартире раскинули шатер, приготовленный для путешествия его по Турции, поэт с удовольствием вошел в него и сказал, что наконец-то он у себя дома, ибо где он разобьет шатер, там и бубет его дом. „Посмотрите, я на Востоке никогда не буду останавливаться в домах, всегда буду у себя дома — конь с седлом и шатер — это целая поэзия казака, татарина и бедуина"...

В Константинополе, когда осип Гончаров (Гончар) в сопровождении нескольких казачьих старшин (некрасовцев и староверов с Добруджи) явился к нему с поклоном, с хлебом-солью, Мицкевич заплакал и сказал, с глубоким волнением, окружавшим его полякам: „Глядите, земляки! Это наши Донские, Запорожские и Украинские братья; эти свитки (кунтуши) и пояса, эти барашковые шапки; эти желтые и червоные сапоги, — это все наше, наша былая слава, наше нынешнее горе, а мы во фраках и перчатках имеем дерзость и претензию предводительствовать людьми, которые не видят в нас ничего народного, да и язык то наш не очень понимают. Нам у них учиться, как землю любить и обычаи уважать! Глядите, это, может быть, уже последний атаман этих рыцарских обломков вольного казачества Русского, Запорожского, Донского"...

Неоднократно обращаясь к эмигрантам, наполнявшим Константинополь, Мицкевич говорил „Что-ж вы, из за различия убеждений не идете к казакам? Я отлично знаю, что, выезжая из Франции, вы искали прогулки, а не участия в войне; вы мечтали о власти, да о барышах. Интерес Польши состоит в организации, какая ни на есть, а затем — стараться о людях, о лошадях, оружии, деньгах, а этого не дает ни одна партия, ибо одни не хотят дать, хотя и имеют, а другие — голы; а нужно помочь тому, что уже есть и чем можно. Один казак с Садыком больше делает и более полезен, чем десяток дармоедов в Константинополе. У Садыка отбирают и оружие, и людей, высланных ему из англии и Франции. Вы говорите, что дело его аристократическое, идите-же к казакам, ибо там равенство, полное равенство, служат там и поляки, и болгары, и татары, чуть-ли не евреи, а о партиях не слыхать!.."

Из Константинополя Мицкевич поспешил в Бургас, где стоял первый полк казаков Оттоманских под командою Чайковского. В первый-же приезд Мицкевич прогостил здесь 2 недели, восхищаясь казаками. Он заявлял, что хотел-бы записаться в число иррегулярных казаков, т. е. к некрасовцам. „Всем противникам казачьим", — говорил он, — „я бы сказал: отправляйтесь в казачий лагерь и три дня с казаками, особливо в палатках (кошарах) поешьте и поспите и увидите сами, останетесь-ли тем, чем хотели.., Начиная от Дуная, казачья стихия и самое имя казачье есть сила; ибо кто знает, позволит-ли Австрия и Прусия добраться до Польши иною дорогою?.." Мицкевич возлагал надежды на повстание на Украине и на возможность связи с ним*).

Не довольствуясь выражением своих чувств в Турции, он и сам писал в Париж к кн. Адаму Чарторыйскому, и Садыку советовал тоже. 25 окт. 1855 г. из Бургаса, в большом письме, Мицкевич описывал Чарторыйскому лагерь и казаков Садыка, удостоверял, что нашел все в отличном порядке, (польский) состав офицеров. „Сдавалось мне, что я на лоне родины, и если бы не внезапная болезнь, с трудом бы вырвался я из казачьего лагеря"... Отрицая жестокость обращения в регулярном полку, Мицкевич добавлял: „Вы знаете, что у Садыка есть разные сотни: рядом с украинскими — добруджские и кубанские" (т. е. некрасовские). „У нерегулярных казаков строгости большие, однако же я видел их привязанность к полку и к вождю". Мицкевич многого ждал от развертывания этого полка в ряд полков; такая формация принесла бы большую пользу польскому делу. „В Турции она имеет характер казачий, но в нее входят и болгары, и румыны, не слыхавшие об Украине". Отсюда планы и о всеславянском значении формаций Чайковского.

С большой резкостью писал Мицкевич о двуличной политике Замойского в отношении Чайковского и казачества. Последней по счету пакостью Замойского (после отобрания у Садыка второго полка) было отобрание военно-пленных и дезертиров из русской армии, из'являвших желание служить в казаках у Чайковского. Замойский об'яснял это боязнью, что Чайковскому их не прокормить, а сам уже отослал их в английский „контингент". Мицкевич спрашивал с полным основанием: „Какое же отношение будет иметь этот контингент к Польше и к казакам, которые и именем своим, и традициями еще связаны с нашим (польским) делом"?..*)

Позже, 13-го ноября 1855 г., он писал из Константинополя кн. Адаму о долгой и верной службе Садыка польскому делу, об интригах Замойского, доказывал, что единственное средство предотвратить дальнейшее зло, это — принудить Замойского, на радостях его по случаю производства его в генералы, оставить в том же виде, в каком он отобрал их у Садыка, и людей, и полки, т. е. в казачьем звании; оставить Садыку запорожское знамя (хоругвь) и создание воинских частей из местных (турецких) славян.**)

Сам Чайковский обратился к Чарторыйскому с письмом от 17 окт. 1855 г., в котором вновь подробно излагал историю своих регулярных полков казачьих, и преобладание в них польского элемента, и горько жаловался на Замойского, желавшего разорвать войско Чайковского на 2 части, „на Бог ее знает, какую то Русь и Польшу", тогда как его, Чайковского, организация под знаменем Запорожья была ничем иным, как только войском былой Польши. Замойский пренебрег тем, что соревнование поляков и казаков могло вновь повести к взаимной борьбе церкви западной и восточной, которая уже повела однажды к упадку Польши. Чайковский писал, что, хотя Замойский и посол Адама Чарторыйского, он сам будет бороться за „казацкое имя".

Несмотря на мощную поддержку Мицкевича, интриги части польской эмиграции против Чайковского продолжались. Поляки говорили принцу Наполеону, что Мицкевич — поэт, находящийся под влиянием Чайковского, что они оба сами себе создают эпопею".***)

Борьба вокруг Оттоманского казачества была прервана внезапно смертью Мицкевича. Вспоминая о ней позже (в 1881 г.), Чайковский писал, что память о Мицкевиче будет жить не только в Польше и Литве, но и у казаков, над Дунаевцем, и во Всеславянстве"...*) Окончательно прервало ее заключение перемирия, затем и Парижского мира. Однако, регулярные Оттоманские казаки с Садыком-пашею были сохранены Турцией. Мы скажем несколько слов и о судьбе этих оттоманских казаков, и о казаках добруджских, поскольку с ними и после Крымской войны продолжали связываться надежды на влияние их на казачество в пределах России в смысле вольно-казачьем.

*) „Рус. Стар." 1900, № 5, ст. 456; „Kozaczyzna", 1857, s. 256—7.

*) „Kozaczyzna" s. 261—265.

**) Новонайденное письмо Мицкевича в архиве Чарторыйских в Кракове (№ 5610) Kallenbach „Ad. Mickewicz", Lwów, 1926, s. 507—510.

***) „Р. Ст.", 1900, № 12, с. 736.

*) Czajkowski, M. „Ad. Mickiewicz w obozie kozackiem", рукоп. отд. Музея Мицкевича в Париже, № 876 (1881 г. 15 января, „под Лысой горой").

Заключение Парижского мира сразу уменьшило и интерес польской эмиграции к делу Чайковского, и понизило оценку его в ее глазах. Князь Адам Чарторыйский в традиционной речи своей, произнесенной 29 ноября 1856 г. в Париже, признавая печальные результаты Крымской войны для польского дела, отметил заслуги Турции, которая готова была при всех армиях создать отдельные польские части. „Она создала даже на скорую руку полк турецких казаков, коего польский элемент, там преобладавший, и вполне украинские воспоминания и традиции обещали сделать из него (казачьего полка) вспомогательную силу для нашего (польского) корпуса" который д о л ж е н был еще образоваться.*) Такова была довольно прохладная оценка всей деятельности Садык-паши (Чайковского) наиболее видным вождем белой эмиграции. Немудрено, что Чайковский и его друзья поспешили с выпуском сборника о „Казачестве в Турции", чтобы выставить в истинном свете работу свою в польско казачьем вопросе.

Турция высказала свое желание сохранить казаков оттоманских и усилить казачьи поселения на Дунае. Душою этих проектов был, конечно, Чайковский. Он получил чин „ферика" (дивизионного генерала) и командование над обоими полками — первым (казачьим) и вторым (драгунским), которые включены были в гвардию султана. Сюда же должен был отправить Замойский и поляков, желавших продолжать службу, из своей так и не организованной им польской дивизии.**)

Чайковский через сочувствовавших ему пашей: Решида, Ризу и Фуада, предложил султану Абдул-Меджиду „образовать в Турции христианское и славянское войско, с целью привязать славян к Турецкой Империи и положить основание к образованию в будущем союза южно-славянских государств под верховной властью султанов сроднить поляков со славянами".***) Проект этот понравился великому визирю Решиду паше и султану, но им (что вполне понятно) оказались недовольны: Австрия и турецкие националисты-младотурки, и что менее понятно) поляки, Англия и Франция.

Решид-паша хотел в 1856 г. создать военную казацкую колонию у Сулина и на берегах Дунаевца, но встретился с протестом послов австрийского, английского и французского. Фуад-паша хотел довести число казачьих полков с 2-х до 8, но снова помешал этому протест западных держав.

План Чайковского сосредоточить всех русских эмигрантов, казаков и старообрядцев на турецкой стороне, в устьях Дуная, встретил резкое противодействие и со стороны поляков. По словам Чайковского, польские демократы Сигизмунд Мильковский и бывший казак Чайковского — еврей Падлевский уверяли казаков, русинов и староверов, что им придется отбывать барщину, а Киркор будет учить их нагайкой. А „белые" представители „отеля Ламбер" (т. е. Чарторыйских), В о р о н и ч и Жуковский воздействовали на Гончарова, что пока (дунайские, добруджские) казаки — в войске, они будут зависеть от Чайковского, и уговаривали дунайских некрасовцев ходатайствовать о снятии с казаков военного звания.*)

Пока вопросы о числе казачьих полков в Турции и о поселениях на Дунае ожидали в Константинополе своего решения, Чайковский совершил поездку на Дунай и в Добруджу для пополнения своих частей и собрал до 200 казаков, поляков и крымских татар. Русский эмигрант, бывший некоторое время сотрудником Герцена в Лондоне, а затем Чайковского в Добрудже, В. И. Кельсиев так пишет о Чайковском: „Парижский мир уничтожил заветную мечту Чайковского сделаться Гетманом всех казаков, и ему осталось одно — сделаться гетманом хоть Добруджи, для которой можно было бы выхлопотать у Порты полную автономию, поставить ее в такое же независимое положение, как Дунайские княжества.**) Но — продолжал Кельсиев — приязнь Чайковского и покровительство ненавистному*†) Гончару, поведение его поляков, грабежи его солдат сделали то, что нечего было и рассчитывать, что некрасовцы и прочее русское население края поднимут просьбу о назначении его пашею в Тульчу. В этом он лично убедился, побывав в Добрудже в 1857-8 году". Чайковскому пришлось ограничиться посылкою на Добруджу и на Дунай своих агентов.***)

Трудно понять, на каком основании сын Адама Мицкевича, Владислав, в предисловии ко французскому изданию казачьих рассказов Чайковского, выпущенному в Париже, в 1857 г. писал о Чайковском, что он в настоящее время состоит их (казачьим) атаманом, и избрание его (в атаманы) не могло бы так легко осуществиться и, вообще, не было бы возможно, если бы не величайшее доброжелательство и даже преданность, которую казаки сохранили по отношению к полякам".*) Вероятно, Вл. Мицкевич говорил о том, что Чайковский втечение некоторого времени и после войны носил титул атамана султанских казаков, но звание это было дано ему султаном а для в ы б о р о в в то же звание Чайковский лишь подготовлял почву, что, как мы знаем, ему не удалось.

В архиве III-го Отделения, в обзоре за 1857-й год, мы находим следующие сведения об этом моменте: „500 поляков, входивших в состав иностранных легионов (в Турции) поселились в Добрудже в 33 деревнях, наполненных русскими выходцами. Сюда обращались, как эмиссары постоянно находящегося в Турции ренегата Чайковского (Садыка-паши), так и новые, прибывшие из Англии и Франции, в том числе уроженец Волынской губернии В о р о н о в и ч.

*) „Discours du prince Ad. Czartorysky... v 29 Nov. 1856", Paris 1856, p. 5.

**) Raport jenerala Zamoyskiego do ks. Adama Czartoryjskego z czynnosci dopełnionych na Wschodzie od czasu rozwiazania dywizyi Polskiej . Paryż. 1857. s. 8.

***) „Р. Стар.", 1895, № 11 с. 159-161.

*) „Рус. Стар.", 1900, № 6, с. 695.

**) Молдавия и Валахия до об'единения в единую Румынию.

*†) Кельсиев описывает Гончара, как представителя казачьей старшины, угнетавшей рядовых некрасовских казаков (на Дунае).

***) „Архив Рус. Рев." т. XI, с. 266-267.

*) Czaykowski „Contes cosaques", Paris, 1857' préface, p. XII.

Ив. Томаревский *(Болгария).*

10 ДЕКАБРЯ.

День десятый декабря —
День казачьей воли,
День казачьего бытья,
Рыцарства на поле,
День сей волю воскресил,
Времена былые,
Цепи рабства сокрушил,
Кровью залитые,
День десятый декабря
В вольной Казакии
Будет credo казака
Жить и без России.
Пусть священным нам числом
День сей будет ввеки —
Снял он с вольных казаков
Злого рабства цепи...

„Чайковский старается изо всех собравшихся здесь беглецов разных наций образовать военное поселение на подобие бывшей Запорожской Сечи и формировал Драгунский полк. По мнению Чайковского единственно среди беспорядков и борьбы Европейских держав поляки могут достигнуть восстановления прежней Польши. Впрочем, выходцы не питают доверия к (польским) эмигрантам. Чайковскому удалось завербовать немногих“... Обзор отмечал сношения Чайковского с евреями, особенно с Горнштейном. „Чайковский покровительствовал в Добрудже и раскольникам. За его покровительство расколу лже-архиреи*) оказывают ему содействие в его политических замыслах, уговаривают русских выходцев к поступлению в ополчение“.**) Под именем „ополчения“ здесь должно понимать пополнения 2-го (драгунского) полка Чайковского.

Недовольство Чайковским дунайских некрасовцев и старообрядцев Кельсиев об'яснял так: „По старым фирманам (султанским указам) казаки не несли никаких повинностей. Во время (Крымской) войны турки стали брать у них на реквизицию сено, хлеб, заставляли их поставлять подводы, словом сравняли их с райей. Война кончилась, вознаграждение они за эти несправедливости не получали, а медали за войну Гончар с Носом, своим приятелем, раздали только своим приверженцам... После войны местные власти землю у них обрезали, наложили на них некоторые повинности; откуп на рыбные ловли — главный промысел казаков — стали грабить пуще прежнего, а Садык обещал им помочь только с тем, что они будут давать ему рекрутов в его полки. Кончилось все тем, что возродилась непримиримая ненависть к Садыку с Гончаром, а равно ко всему, что-бы они ни предпринимали“... По словам Кельсиева, Чайковский „силой захотел принудить русских (к подаче прошения о назначении его гетманом и пашею в Тульчу), и сам, с Гончаровым, начал надоумливать турок стеснять их, в рассчете, что они покорятся и, с горя попросят его в гетманы“.***) Это ему не удалось.

От внимания русского правительства не ускользнула и деятельность Гончара. 14 мая 1857 г. российский консул в Галаце сообщал, что „общий надсмотр за набором рекрутов по всем городам обоих берегов низовья Дуная возложен на беглого казака Гончарова, человека простого, неграмотного, но пользующегося, однако, большим доверием Порты и Садык-паши (Чайковского). За год до начала Восточной войны этот самый казак посылаем был Чайковским с поручением на Дон в поселения наши*) на Буг, в Чугуев и даже в Москву с целью разведать некоторые местности и расположение умов тех мест.

„Ныне“ (1857) добавлял консул, — „для успешнейшего развития начатой вербовки, Гончаров, как приобревший некоторое влияние и популярность между жителями низовья Дуная, назначен старшиною казацких поселений в Добрудже“.**)

Не только в 1857 г., когда решался (и был решен в отрицательном смысле) вопрос о сосредоточении турецкого казачества в устьях Дуная и о „гетманстве“ Садыка-паши, но и позже, в 1860 гг. Чайковский продолжал интересоваться казачеством на Дунае. Но главным предметом его забот остались те два полка, которые он создал в 1853 г. и на которые теперь султан возложил несение полицейской службы на Балканах. Связь этих полков с идеей казачества осталась более в голове их начальника, чем на деле. Немного больше была связь поляков с идеей славянского войска под знаменем султана.

Сперва „румелийский беглер-бей“ (начальник султанской кавалерии Мехмед Садык) странствовал с своими полками по Румелии (европейским провинциям Турции), занимаясь истреблением разбойников. Затем переброшен был в Фессалию и Эпир, на границу Греции.

На смотру 1863 г. Риза-паша, военный министр, утешил Чайковского отзывом об его полках. Когда польский майор скомандовал по турецки: „газыр ол!“ („слушай“), — Риза-паша, обратясь к стоящим вблизи генералам, сказал: „ Я не желаю дать султану и государству лишних 2 полка кавалерии, ибо это дело невеликое. Я желаю создать кадры войска славянского, которое привязало-бы славянскую молодежь к Турции.*)

Понятно волнение Чайковского! Эти слова осмысливали его тяжелую службу в диких местах, давая надежду быть полезным славянству, хотя давно уже был утрачен смысл наименования его солдат „казаками“. Казаков было меньше всего в его частях. Солдат своих сам он называет в воспоминаниях, многих — по крайней мере — сволочью, сбродом“, но, добавляет он, „то были люди решительные“. В 1867 г. его отправили подавлять болгарское восстание, что он с'умел сделать мягко и без жестокостей.

Последний момент, когда регулярные „Оттоманские казаки“ могли сыграть политическую роль, было польское восстание 1863-го года. Немедленно-же была сделана частью польской эмиграции попытка расстроить казачью организацию Садыка. В первую очередь его хотели подчинить революционному правительству (Ржонду Народовому). Этот оказалось невозможным, так как это были полки р е г у л я р н о й турецкой кавалерии, а Турция н е воевала с Россией.

Затем, ряд офицеров, по приглашению из восставшей Польши, покинул полки Садыка и отправился на войну. Сам Чайковский „хотел“ передвинуть своих казаков из Греции на Балканы, на Дунай. „Эта демонстрация, — думал он, — могла поднять дух жителей Украины.

Чего не могли сделать „золотые грамоты“, то сделало-бы наверно казацкое имя и воспоминания о Запорожском Коше“.**)

Понятно, что Турция не рискнула на такую „демонстрацию“. Россия и так сделала ей запрос о польских офицерах из „казачьих“ полков, уехавших на повстанье и оказавшихся там весьма полезными в войне против России.

Неудачи Чайковского в его великом по замыслу казачьем предприятии сильно повлияли на него. Все труднее становилось убеждать не только других, но и самого себя, что избранный им путь оказался правильным. Даже сохранение символа, „казачьего“ имени за турецким кавалерийским полком стало вскоре невозможным. Новый военный министр Гуссейн-паша оказался врагом не-мусульманского элемента в армии. Полки Чайковского были вызваны в Константинополь, переименованы, зачислены в гвардию, но очищены от славянского элемента. Так кончилось „Оттоманское казачество“, просуществовавши около 17 лет.

Понятно, что Чайковский не принял участия в разрушении того, что должно было стать зерном его великой Казакии. Он подал в отставку, которую ему и дали в самой милостивой форме, с крупной пенсией. Но оставаться в Турции было тяжко.

Польскую эмигрантскую политику Чайковский считал ошибочной. С одной стороны, на него сильное впечатление произвели реформы Александра II в России, вообще, и в Польше, в частности. С другой стороны, после 1856-го и 1863-го годов, по мнению Чайковского, полякам оставалось лишь идти под опеку к немцам и мадьярам и, вместе с ними, подавлять славян, или пойти на соглашение с Россией и „войти в

---

*) Так именовало III-е Отделение старообрядческих епископов т. н. Белокриницкой иерархии.

**) Архив III отделения Соб. Его Велич. Канцелярии. „Обзор вашнейших событий и явлений госуд. и общ. жизни России за 1857-й год“ (неопубл).

***) Арх. Рус. Рев., т. XI, с. 266.

*) Здесь консул говорил о т. наз. „военных поселениях“ в России, возбуждавших народную ненависть.

**) Из Архива III-го Отд. См. Герцен „Собр. соч.“, т. XIV, с. 634.

*) „Из писем ген. М. Чайковского к своему военному товарищу“, Львов, 1873, с. 14; также „Р. Ст.“, 1900, № 10, с. 227.

**) „Р. Ст.“, 1900 № 8, с. 445; № 10, с. 221, 281; № 12, с. 739.

славянство"... „К русским-же, — пояснял Чайковский, — я, даже воюя с ними, питал братские чувства, ибо, вопреки взглядам Духиньского, я считал их Славянами, братьями по крови"...*)

Кроме того, в нем с небывалой силой воскресла память о родине: „на старости лет хотел-бы вздохнуть воздухом моей Украины и там сложить мои кости"... Все это привело к тому, что в 1872 г. Чайковский просил и получил личное разрешение имп. Александра II приехать дожить свой век на Украине. Ему были возвращены права, за ним признан был его турецкий генеральский чин и права на турецкую пенсию. Но вернуться на родную Волынь на жительство ему не пришлось: имение давно было в чужих руках, и ему пришлось купить новое имение в Черниговской губернии.

То в имении, то в Киеве он доживал свой век, занимаясь изданием собрания своих польских сочинений в Лейпциге (в 1870-х гг.) и составлением интереснейших мемуаров (их потом в русском переводе втечение 10 лет печатала „Русская Старина" [1894—1904]).

На свое несчастье Чайковский вывез из Турции молодую жену (третью по счету), которая ему изменяла. В припадке ревности старик застрелился 8 янв. 1886 г. Горячий до самозабвения, он всю жизнь свою страстно увлекался людьми и идеями, и самую жизнь свою пресек в порыве страсти.

Польские биографы склонны видеть в гибели Чайковского перст Божий, наказание за измену памяти второй его жены, польской потриотки и, действительно, выдающейся женщины (Снядецкой), наказание за религиозное ренегатство (из униатов стал мусульманином, а под старость вернулся в веру казачьих предков — с материнской стороны — в православие), наказание за измену польскому отечеству (ушел к султану, а потом к царю, увлекался казаками и казачеством).

Мы думаем, что главной стихией, заполонившей с раннего детства душу Чайковского, было к а з а ч е с т в о. В отроческие и юношеские годы его мысли и мечты о вольном казачестве расширились, оформились и окрепли. Пред его умственным взором раскинулась громадная картина союзного федеративного государства изо всех казачьих Войск, изо всех казаков, от Прикарпатской Руси до Яика и до Кавказского хребта. Этот идеал оказался для него выше польской отчизны, выше украинской родины, выше всего на свете. Главным делом его жизни оказалось предвозвещение за 100 лет до наших дней идеи вольного казачества в самом широком и самом глубоком смысле этого слова!..

*) „Biblioteka Warszawska", 1911, № 12, с. 474.

Думы и мысли.

Петр Крюков.

Виновники страдания Казачьего Народа.

В 1918 г., когда Донцы, очистив свою Землю от русских оккупантов, решили на Войсковом Круге вопрос: идти или не идти войной за свои грани (против России) — по всему Дону ходили упорные слухи (подтвердившиеся впоследствии заграницей), что будто было получено предложение от Совета Нар. Комиссаров за подписью Ленина — прекратить войну на условиях: Казачество признается самостоятельной державой (в первую голову — Дон, как уже самостоятельно освободившийся от русского ига); Добр. армия обезоруживается и распускается. Это предложение было Дон. Атаманом П. Красновым, Пред. Сов. Управляющих А. Богаевским и Пред. Донского Круга В. Харламовым с к р ы т о на том основании (передаю не буквальные слова Харламова, но со слов одного члена Д. В. Круга), что „и без этого казаки не хотели идти за границы Дона, а если бы еще Круг узнал..."(!)

Тоска и грусть... терпеть уж надоело...
Кругом лишь подлость, ложь, предательство, обман...
Того, что в сердце казака за годы наболело,
Не высказать в словах... Мучительно... Туман...
И только луч зарницы среди ночи
Блестит вдали, предвозвещая день,
И на него с надеждой смотрят мои очи, —
Угрюмья отбегает в сторону назойливая тень!

. . . . . .

Тоска и грусть... Мир удивительно паскуден:
В нем царствует теперь лишь царь — Обман!..
Чужой народ с своей заботой нуден,
А мой... а мой Народ... предал наш Атаман!
Не он один... их трое... неделимых...
(Как идеал их: Русь — великая, одна.)...
Их трое, этих... этих подсудимых
И их вина — для всех троих одна!
Продали Дон... продали за похлебку
Из чечевицы свитских вензелей, погон;
Продали свой Народ... Народ, что взяв винтовку
От ста́ра до мала́, отстаивал свой Дон!
Нет совести у них!.. Крови ведь реки!.. море! —
Крови к а з а ч ь е й, пролитой з а Д о н!..
О! Кто ж сорвет с Тебя, Кормилец, это горе?..
О! Кто ж спасет Тебя наш славный Тихий Дон?..
Предали трое... Русские писали
В осьмнадцатом году („сам" Ленин подписал):
Великий Дон с Казачеством Державой признавали,
Но Атаман (их трое!)... Кругу не сказал!..

. . . . . .

По чьей вине Народ наш пропадает?
Гей, Атаманы — молодцы! Пора всем это знать!
Их трое главных Дону изменяет —
Здесь, как и там! Их нужно в шоры взять!..
Один теперь, за гранями, зовется Атаманом,
(Хоть Атаман с него, как из жида казак!),
Пернач Донской... того!.. рассунул по карманам...
Для своего кармана — парень не дурак!
Зовет в Москву пороть кого-то, вешать —
В угоду „барину" — властителю Руси, —
Как будто казаки актеры, чтобы тешить
Каких нибудь прохвостов (Господи прости!)!
Другой и сам держал пернач (не ныне!);
Теперь он пишет сказки для детей;
О Всевеликом Войске мысли нет в помине! —
Все у него теперь для русских и царей.
А третий... третий был политик знаменитый
(И ловкий дипломат: от Выборга ушел!);
Он был главою Круга. Дон наш Всевеликий
Не сына, не слуги — в нем палача нашел!..
Предатели они!.. Изменники!.. Их трое!..
Они ответят нам за кровь сынов
Родного Дона!.. Гей, вы!.. там!.. Вы, трое!..
Не расплатиться вам за кровь тех казаков!!!

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

Ив. Томаревский.

Прыгунам.

Прыгуны-джигиты Стибы
Всем недавно доказали,
Как умеют все они
Отбиваться от земли,
Могут вверх стоять ногами;
И не только на седле,
Но, что чудо — в самом деле —
Между прочим, так себе —
Изгибать и душу с телом
Научились на коне...
К „нашим", „вашим" — без разбору
Стали прыгать циркачи,
Чтоб побольше было сбору,
Да иметь еще „опору",
Кроме матушки земли...
Что к сему прибавим мы?
Что им выскажем без лести? —
Дрянь одна — не казаки!
Нет ума у них, души,
Нет ни совести, ни чести...

Мой призыв.

М. Г. г-н Редактор, не откажите в любезности поместить на страницах уважаемого мною Вашего журнала мое письмо к казакам всех казачьих Войск.

Братья казаки! Писатели В. К. пишут нам и многие не понимают или не хотят понять их. Что у них непонятного? Они строго и свято смотрят на свой народ и всячески стараются просветить наш разум и приводят к сознанию, что спасение наших родных Краев зависит только от нас самих.

Страшно становится мне, когда читаешь и видишь, что люди из „русской нации" приходили в наши Края с целью, чтобы всячески помешать развитию во всех направлениях нашего стремления. „Милостивое" русское правительство отлично понимало, что делало, когда посылало своих людей на наши земли. Коварный замысел у этого правительства был в голове всегда; оно всеми мерами своего алчного чувства к чужому добру стремилось прибрать казачье добро к своим рукам.

Нам же, казакам, от этих „благодетелей" причиталось то, что упадет со стола барина. Теперь же вот настало время и время очень благоприятное для нас, казаков, чтобы стать самим хозяевами на своей земле и в своей хате. Казаки из казаков стали во весь свой рост и громко кричат нам, рассеянным по всему земли, чтобы мы услышали их голос и восприяли в себя то, что должно быть мило и дорого нашему уму и сердцу.

Нет голословных обвинений на русское правительство за прошлое и настоящее. Не все мною прочитано, что написали наши казаки вот за эти пять лет. Из одних отрывков я узнал, что они написали святую и нескрываемую правду о всех взглядах русского правительства на Казачество.

Чтобы не было недоразумения, не мешает заглянуть на страницы „В. К." тем, кто не читал того, что там написано вольными казаками. Возьмите напр., № 33 и взгляните на страницы 10 и 11, что там пишет Шамба Балинов: „Мало того, нужно вспомнить, как шло так называемое „собирание земли русской". Это было беспрерывное истребление мест, областей"... Не могу дальше писать, потому что и вы умеете читать и сумеете понять так, как воспримет ваш разум и сердце. Загляните, братья казаки, в № 53 и прочтите на стр. 7 в первом столбце снизу последние четыре строки. Да если иностранцы теперь поняли опасность этого „яда", то как же нам опять соприкасаться с таким опасным средством? Не нужно. Умрем...

Если не трудно вам, братья казаки, заглянуть в № 56, вы увидите там на стр. 12 во втором столбце: „Тупик белый". Кто полюбил бобышевизм и кто боролся против него? Стр. 13 в статье: „Казачье сегодня" во втором столбце третья строка: „Кто будет свергать большевиков? Рабочие? Никогда!.. Восстанут крестьяне? На меньшая наивность!.. Стр. 14. читайте оба столбца. Здесь я не буду повторять того, что там написано... От таковой вести у вас невольно содрогнется сердце и волосы на голове станут дыбом. Запомните последние слова автора: „Конечно, кому как. Вкусы и желания бывают разные. Я лично предпочитаю быть живым, хотя бы за это кое что и пришлось платить. Но к несчастью, есть еще некоторые „разумные" казаки, которые предпочитают быть мертвыми, но зато никому ничего не платить".

А на стр. 15 „Казаки". Вот где наша гордость и слава! Стр. 16, где вахм. Д. Тырин взывает ко Господу так: „Услышь, Господь, мое моленье, услышь мой скорбный глас: пошли Кубани избавленье, верни свободу ей и нас. Помилуй, Господи Всевышний, помилуй милую мою Кубань, истерзанную ныне"... Читайте дальше сами, вы тоже умеете читать. О русской культуре хорошо напоминает д-р Эренжен-Хара Даван в № 57... Наверно живущим в русском советском царстве нашим братьям надолго останется в памяти русская большевицкая культура. От такой культуры избави Бог поскорее наше страждущее Казачество.

О настроении казаков в родных краях на стр. 13—14 прочтете и убедитесь. Кошмар... Ужас...

Не стану больше указывать на те места, где пишут и говорят нам, что нам нужно делать для спасения наших близких. Не мудрствуя лукаво, со смиренным сердцем и со вниманием прочтите сами, что вольными казаками написано.

Если найдете какую несправедливость в писаниях в. казаков, то напишите опровержение и сошлитесь на документы, подтверждающие их неточность. Докажите им свою правду. Заставьте вы так открыто заговорить наш казачий народ о своем прошлом и будущем, как это говорят вольные казаки. Они, не боясь, говорят, чего они хотят и не скрывают ни от кого, чего добиваются от нас и чего от иностранцев. В этом нет преступления и греха перед родным Казачеством. На кого же нам положиться? Сами мы здесь и наши братья там не в силах прогнать с нашей земли непрошенных гостей...

Дорогие братья! Не могу молчать! Скажу вам еще раз: немедлите придти на помощь многострадальному нашему отечеству — Казакии. Там в невыносимых муках живут наши родные. Они все покрыты ранами. голодные и холодные, ждут нашей помощи словом и делом. Все мы, казаки, от генерала до рядового, должны присоединить свой голос к голосу вольных казаков, которые зовут: надо спешить спасать погибающих. Если же мы будем молчать, значит мы согласны, чтобы погибли наши родные. Да не будет среди нас таких!

Братья! Не кичитесь своим званием, положением или авторитетом, а становитесь скорее под вольноказачье знамя. Иначе мы будем прокляты навеки нашими близкими, если мы из-за интересов своей личности противимся и не идем по пути В. К. для спасения своих родных. Знаем мы, братцы, как человек дорожит своим здоровьем. Он, если заболел, то не стесняется в средствах, а посылает гонца на край белого света и зовет к себе доктора. Наперед он сам говорит гонцу: скажи доктору, что за труд будет заплачено хорошо и дорога будет оплачена в оба конца... Значит, больной согласен отдать доктору все свое состояние, дабы он спас ему жизнь. И это бывает так. Так вот и здесь не меньшая опасность нашим родным. Они нуждаются в спасении...

Врачи, когда знают, что им будет вонаграждено за труд, идут к больным, хотя и знают, что иногда больные страдают и заразной болезнью...

Слышим мы голоса своих родных: „спасите нас!" Да, надо спасать!

Мы, казаки, имеем на своей родине огромные богатства. Пообещаем хорошо заплатить всем тем, кто поможет нам спасти наших дорогих родственников. Пусть и дорога им будет оплачена в оба конца!

Послушаемся же голоса наших идейных борцов за нашу долю и волю. Ибо мы есть особая национальность, а не сословие. Чужой ярлык — „русский" — мы отбросим теперь раз и навсегда.

Н. Боровлев.

8-X-32. Бельгия.

Вл. Куртин. *(Югославия).*

Цветы в гробу.

(Окончание).

Николка с Верой благополучно спустились с горы и, давным давно нетоптанными тропами, обогнув „Старую Кубань“, строевым лесом спустились на дно широкого оврага (Яра), выходящего своим устьем к Кубани. Здесь в боку оврага, замаскированное переплетшимися корнями подмытых водою карагачей, диким виноградником и боярышником было Николкино „логово“. Трещина параллельная яру и совершенно накрытая сверху сдвинувшимися пластами земли, служили как бы корридором его „квартиры“, а вывороченные с корнем последним „землетресением“ (действие Кубани, подмывающей правый, высокий берег) огромный дуб закрывал вход в самую „квартиру“.

В узкой, но высокой пещере с лестницей по середине, направленной от высокого ровного ствола бука с прибитыми к нему планками, на полу, устланом сухими листьями, лежали бурки, шинели, куртки, сапоги и прочий скарб. В одном углублении — банки с запасами провианта, две винтовки, револьверы, ручные гранаты, бинокль...

При свете маленького ручного фонаря, который Николка повесил на клин в стене, Вере казалось, будто они на дне глубокого сухого колодца.

— А что у тебя там? показала она в темный верх, в котором терялись перекладины „лестницы“.

— Вышка... оттуда я вижу все „подступы“. А меня никто...

Изморенные девочки сейчас-же повалились на бурку, но Катя не забыла поставить около себя свою „махоточку“ с любимыми цветами.

— Мама, мы тут будем жить? только и успела сказать и сейчас-же заснула.

Николка сказал Вере, чтобы подождала его немного, вскарабкался по лестнице и исчез в темном отверстии... Вера присела около детей...

Все происходящее казалось ей страшным сном, кошмаром, а страшнее всего в этом сне был тот неведомый немец, к которому она должна идти и „женой“ которого должна быть.

Ни на минуту не выходило из головы тревожная мысль об Егоре:

— Удастся ли ему?.. Не ухватят-ли где?..

Заснула и Маруся. В „логовище“ царит жуткая тишь. Вера со страхом озиралась по Николкиной „мебели“, — ожидая, что все эти гранаты и подозрительные ящики взорвутся сами по себе. Почти не дыша, прислушивалась. Но ни снаружи, ни в самой пещере не слышно было ни одного шороха, ни одного звука, кроме тихого дыхания детей.

Время тянулось слишком уж медленно. Николки все не было. Натянутые до предела нервы начали обманывать. То ей казалось, что слышит разговор, шаги; то видела, будто кто-то спускается по лестнице. В душу вполз страх неизвестности — ни где она, ни что с нею будет в следующую минуту. От страха будто „желвак“ вскочил под горлом, а по всему телу морозом пробегали мурашки.

Стуча зубами, прилегла около детей. И, как только почувствовала их теплые тельца, страх рассеялся. Прислонившись головой к их головкам и натянув бурку, начала было дремать, но вдруг вскочила: около нее переодевался Николка.

— Вставай, тетка. Нужно торопиться.

Пока Вера пробудила и привела в порядок детей, у Николки выросла борода. На голове была излизанная „везенка“, а весь в дырах армяк стянут в поясе веревкой.

Дети со страхом уставились на нового дядю...

Выбрались из пещеры, поползли через какой-то тунель; потом шли по дну трещины. Наконец очутились в лесу. Еще через 10-15 минут вышли на Кубань. Широкая мутно-желтая, набухшая почти вровень с берегами, быстро неслась она, шумя бороздящими по ней ветками прибрежных верб.

Николка вскочил в стоявшую в вербовом молодняке лодку, подтянулся к берегу. Усадили детей. С полчаса лодка быстро неслась по течению, потом Николка направил ее к другому берегу. Вогнав лодку между нависшими корнями дубов подмытого берега, Николка высадил Веру с детьми, топором вывернул в днище лодки доску, ухватился за корни ткнул ногою лодку. Лодка закружилась, отплыла. ударилась о плывшую корчагу и затонула.

Лесом обогнув хутор, Николка к утру привел беглецов к Вагнеру.

Вагнер не удивился „предложению“ Веры. Достал ей соответствующий паспорт и пред квартальным комиссаром заключил с ней „законный“ брак.

Страхи Веры оказались напрасны. Толстый, страдающий от астмы, технический советник по русским секторам в немецкой концессии Фриц Вагнер был даже рад Вере с детьми. Гладя детишек по белокурым головкам, добродушно говорил:

— Пил (был) сам, а теперь — семья!..

Вере, с детства владевшей немецким языком, было большим облегчением разговаривать со спокойным, рассудительным Фрицем, имевшим привычку повторять:

— Alles wierd gut sein!..

Говорили и о том долго-ли продержится „власть советов“, вернутся ли когда казаки, как хозяева своего Края...

... Я не знаю, когда все это кончится и чем все это кончится, но одно знаю определенно: в своем доме мне уже не жить.

Aber was, meine liebe! Добродушно утешал ее Фриц. Alles wird gut sein...

Катя начала хиреть. Начала покашливать. Нервные припадки участились. Равнодушная ко всему на свете, кроме своего темно-зеленого клубка фиалок, она ни о чем не спрашивала, кроме: когда расцветут фиалки, и — когда приедет папа.

„Onkl“ Фриц, чтобы ускорить цветение фиалок, поливал их раствором чилийской селитры, калиевой соли, а на вопрос Кати, когда расцветут, отвечал:

— Завтра утром.

А на вопрос — когда придет папа, — скоро... а может быть и раньше. И — alles wird gut sein!..

Однако, Вера еще ничего хорошего, кроме того, что вынесли из станицы свои головы, не видела. Об Егоре еще ничего не знала. В концессии ее могли узнать случайно забредшие „станичники“ из бригадников. А чекисты нашли бы уж способ вырвать ее даже и из экстерриториальной“ концессии. Даже и от „мужа“ Вагнера...

В ночь на св. Николая, когда немецкие спецы, обрядившись в Николаусы, обдаривали своих „киндеров“, Onkl Фриц принес письмо от Егора. Письмо было кратко. Егор сообщал, что партию рабочих, главным образом казаков, выселенцев, в том числе и его, как безработного спеца, отправляют в Джевадский уезд.. (Азербейджанская С. Р.).

А спустя две недели Клушины уже тряслись в закуренном, заплеванном вагоне-теплушке, смешавшись со вшивой, пришибленно-злобной массой „ударников“.

Берем Азию!

. . . . . .

И высадили нас на станции верст двести за городом Баку... а на той станции всего навсего две хаты. И об'явили нам, что пока придут инструменты, чтобы из подручного материала землянки себе строили... а у нас из „подручного материала“ только и есть, что дети...

Плачучи, пошли мы подходящее место отыскивать... а куда ни глянешь — болото с высокой не то травой, не то кугою. То ли Кура разлилась, то ли озеро какое. И сами не знаем.

Набрели на какое-то татарское селение, которое со станции за высокой кугой-травой не видать было. Сняли на первую ночь одну саклю, да такую, в каких у нас дома свиньи не могли бы жить...

Да так в этой сакле и остались.

Лучших то во всем селении и не было. Егор на завод ходит, а я с детишками „дома". Вот какой „дом" взамен нашего получили мы на реке Куре!..

На полу спали, на полу ели (если было что есть)...

А тут еще случилось то, чего больше всего боялась: наша Белочка, наша тихонькая любимица Катя — скончалась... И сейчас еще, когда это Вам пишу, ничего не вижу от слез...

Боже, Боже!.. Сколько ужасов перенесло ее бедненькое, маленькое сердечко!.. От того дня, когда ее отшвырнули от дедушки, поболевала... А когда пришли сюда, как легла на полстенке, что я у одной татарки за кастрюлю выменяла, так уж не встала...

Напишу все по порядку:

Егор на заводе был, а меня позвали в „столовой" коглы мыть. Приказала я Марусе смотреть за Катей.

Ушла.,. а когда вернулась, только влезла в саклю...

— Мама!.. Мама!.. Фиалочки расцвели!..

Крикнула Катя. Засмеялась, заплакала... кинулась я к ней:

— Детка моя, милая!..

В темноте не разберу ничего. Наконец, нашла ее головку. Крепко поцеловала в ротик... И закричала, как сумасшедшая...

— Крошка моя, моя любимица...

Наша радость, утеха... была мертвая"...

. . . . . .

Это последние слова последнего письма Веры. Дальше, очевидно, после одного, а м. б. и двух месяцев, письмо уже докончил сам Егор.

... „Достал я на „заводе" топор, пилу и лопату. Из кусочков досточек сколотил гробик...

Пошли с Верой место для могилки искать... Где ни копнешь — вода. Или Вере место не нравится... Водила меня Вера, водила... а сама чудная какая-то. Наконец, нашла маленький курганчик.

— Тут будет лежать наша крошка...

Села на землю, а я стал могилу копать... Сидела, сидела Вера да так заголосила, что и я не выдержал: бросил лопату и давай руками землю разбрасывать...

. . . . . .

На другой день уложили Катюшу в гробик. Махоточку с цветами у изголовья поставили. Взвалил я гробик на плечи. Несу. Сзади Вера с Марусей идут...

Священника то ведь тут нету.

Даже и у татар нету...

Пришли. Открыл я крышку...

Вера хотела было молитвы прочитать... Да ничего не вышло...

На другой день пошли на могилке цветы сажать. Маруся первая на курганчик вскочила. Слышим крикнула не своим голосом...

Побежали...

Могилка раскопана... а наша девочка...

Шакалов-то ведь тут тьма. И привычные: татары то ведь своих мертвых и не закапывают...

Завыла Вера. Схватила махоточку с цветами и за... волосы, что еще осталось...

И побегла...

Марусю отнес в саклю...

Письма посылать больше не буду, потому узнали, что я не Иван Груздев-коммунист, а Егор Клушин. Казак..

С тем, дорогой дядя, прощай!.."

На конверте письма печать почтового вагона Азербейджанской железной дороги.

„Воровская" стихия на Руси.

... „На просторах земли русской искони боролись две стихии: "земская" и „воровская". — „Вор" в старом русском языке означало — бунтаря, врага суещствующего общественного порядка, анархиста... Стихия „воровская" прорывалась часто и бурно и волны ее „доходили до царского трона и даже восходили на трон"... „Грабь!" — основное побуждение при всех бунтах и восстаниях, потрясавших русскую землю от времен первых летописцев и до наших дней, причем грабеж всегда сопровождался кощунством и святотатством. ... Повествования летописцев о бунтах и восстаниях... поразительно напоминают „революционные эксцессы" наших дней!.. Через бунты удельного периода, через буйство Великого Новгорода, через царствование Грозного, через смутное, „воровское" время, а потом через Разина и Пугачова, „воровская" стихия докатилась до нашего времени. Начиная с 19 века, навстречу „воровским" устремлениям низов поднимается волна интеллигентского анархизма, которая через Бакунина и Нечаева приводит к новому всплеску „воровской" стихии. Но этим встречным течениям не хватало идеологического обоснования, не хватало об'единяющей системы. Восприятие марксизма восполняет этот пробел. Западный марксизм, сочетавшись с интеллигентским русским анархизмом и бунтарством, и создал небывалый разгул воровской стихии" (т. е. современный русский большевизм). — Так говорит русский молодой историк С. Пушкарев (см. „Возрождение") от 5 сего декабря).

Эти мысли русского историка должны навести и, несомненно, наведут казаков — особенно „русских казаков" — на многие размышления. В самом деле, если в русском народе так глубоко сидит „воровская" стихия, то как сочетать тогда утверждение русских людей и „русских казаков" о происхождении Казачества от „русского корня", которому (Казачеству), как мы, казаки, все это сейчас видим и знаем, „воровские" черты русского народа совершенно не свойственны? — Скажут: теперь не свойственны, но были свойственны. — Ответим: разве народы меняются в своем характере? Кто нибудь когда нибудь мог бы это доказать? Почему же тогда сам русский народ не изменился? — Думаем только, что не по праву историк Пушкарев затянул Разина и Пугачева в русскую „воровскую" стихию. Доказать это оставляем нашим казачьим историкам настоящим и будущим.

Не можем останавливаться сейчас на всех мыслях, какие вызывают у нас мысли г. Пушкарева. Не можем все же не поставить основного вопроса: зачем же нам, казакам, связывать свою историческую судьбу с исторической судьбой народа, в характере которого так много „воровской" стихии? Зачем нам и в будущем переживать все потрясения государственного и социального уклада жизни, какие (потрясения) угодно будет русскому народу еще вызвать, если с нас больше чем достаточно опытов и „экспериментов" этой его „воровской" стихии в прошлом и настоящем?

— Предыдущие строки с полным правом можно считать одновременно и за первый наш ответ „русскому казаку" В. А. Харламову на его выступление в „П. Н." 6 сего декабря.

Юбилей журнала „Прометей".

Исполнилось 6 лет со дня выхода в свет журнала „Прометей", издающегося в Париже на французском языке под редакцией г. Гвазавы. Журнал этот является центральным печатным органом народов Кавказа, Украины и Туркестана и служит делу пропаганды идеи самоопределения народов вообще, конкретно — отстаивает и защищает право перечисленных выше народов на национальное самоопределение.

По случаю исполнившейся годовщины, в воскресенье 27 ноября с. г., в ресторане „Petit Duc" редакция „Прометея" устроила товарищеский обед, на который, по заявлению редактора, были приглашены „самые ближайшие друзья". На обеде присутствовали представители Грузии, Азербейджана, Сев. Кавказа, Украины, Туркестана и Вольного Казачества. Присутствовал также представитель одного европейского государства, хорошо понимающего тяжкую долю угнетенных, а потому с братским сочувствием к судьбе этих народов относящегося.

Обед прошел в обстановке полной непринужденности и царила на нем атмосфера искренней дружбы и приязни. С речами выступали: от Грузин — г. Гвазава, от азербейджанцев — г. Мир-Якуб-бей, от украинцев — инж. Еремиев, редактор журнала „Тризуб" — г. Косенко и секретарь украинского Вийск. Т-ва г. Ковальский, от туркестанцев — г. Мустафа Чокаев, от горцев — г. Ибрагим Чулик, от ВольногоКазачества — г. Ш. Балинов.

В речах всех выступавших красной нитью проходила мысль о необходимости тесного сближения между собой всех угнетенных народов, о жизненной необходимости образования из них единого фронта для более успешной защиты своих прав и завоевания свободы.

Один из выступавших, представитель Туркестана, между прочим сказал, что „сейчас среди нас не должен подниматься вопрос о внутренних границах, о тех или иных внутренних спорных вопросах, ибо прежде всего мы должны отстоять одну общую для всех нас границу. Это — граница, отделяющая всех нас от России. У нас есть один грозный враг. Это — русский империализм. Перед лицом этого грозного врага мы обязаны все другие вопросы отодвинуть на второй план и все наше внимание, всю нашу силу направить именно туда"...

А редактор „Прометея" в заключительной своей речи, в тон речам всех выступавших, высказал мысль о желательности и необходимости созыва Конгресса представителей всех угнетенных народов, что может послужить началом созданья того единого фронта между этими народами, о котором говорили все выступавшие.

Нужно от души пожелать, чтобы высказанная здесь мысль как можно скорее претворилась в живую реальность.

Следует только отметить, что ораторы говорили не только о своих успехах, о своих достижениях, но в небольшом товарищеском кругу не постеснялись говорить и о своих недостатках, невольных упущениях и ошибках, что тоже следует приветствовать, ибо не следует „парадными речами" закрывать те упущения, что неизбежно бывают во всяком большом деле. А дело освобождения народов Востока Европы и Ср. Азии есть, несомненно, огромное дело, от благополучного разрешения которого зависит мир и благополучие если не всего мира, то во всяком случае Европы.

Пожелаем же редакции „Прометея" еще более успешной и плодотворной работы. Пожелаем, чтобы она свой зажженный в эмиграции огонь донесла и до своих родных берегов, чтобы в скором будущем светом этого Прометеевского Огня озарилась жизнь народов, в советском адском мраке ныне пребывающих.

Ш. Б.

Павел Поляков.

Казачьи фельетоны.

Пятилетие.

Итак, мы, вольные казаки, решили отпраздновать 5 лет нашего журнала.

Выпить душистого ликера и с'есть гуся с яблоками, приготовленного по поваренной книге Чапчикова.

На нашем празднике, к сожалению, многие не будут. Из скромности или по иным причинам.

Вот и хочу я им послать мои наилучшие пожелания.

От души и сердца!

А. П. Богаевскому:

Расширить свой банк до размеров „Лионского Кредита". Заполучить в течении ближайших 5 лет хоть одного нового члена в его союз „русских казаков", даже если бы для этого в устав понадобилось внести примечание, гласящее: „все готтентоты, чудь белоглазая, вятичи и кривичи, сочувствующие русским казакам, могут стать членами общества".

По возвращении на Дон (если нельзя будет сохранить за собою денег из банка) — открыть просто — лавочку.

Зазывалой может остаться Мельников.

Генералу Науменко:

Приготовить по числу зарубежных станиц доносы. Скоро пригодятся. Войти в связь с полициями всего мира. Получить хоть одно постановление не собственного изделия.

Почаще забегать с черного хода к „начальству" — получать очередные взбучки и разносы...

„Кавказскому Казаку":

Освободиться от долгов и выйти в свет. Врать и брехать по старому образцу.

Редактору „К. К."

Вызвать на дуэль своего врага, проживающего на Камчатке.

Вызвать на дуэль другого своего врага, проживающего на Огненной Земле.

Сняться по этому поводу на фотографии размером метр на два, с пулеметом в руках и орлиным взором.

Внизу надпись московской вязью: ... Ш... Ш... укажи, где враги!

Генералу Шкуро:

Выпороть в ближайшее время хоть... самого себя...

Джигиту Стибе:

Подписывать и дальше все, что прикажут. Помнить, что стыд не дым — глаза не ест!

Всем казакам:

Поскорее стать в ряды В. К.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг В. К. (с'езд).

Поступило: от Свинарева (из Франции) 25 кч; от Хоруженко (из Франции) 10 франков; от М. Салтавца (из Франции) 50 франков.

От Якова Озерина (из Болгарии) 50 лева. (К сожалению, эти 50 лева так стары и истрепаны, что реализовать их вообще нельзя. Поэтому за эти 50 лева мы примем на себя ответственность только в том случае, если нам удастся выменять их на новую бумажку).

В Болгарии: Правлением ВК Донской Селимийской Св.-Николаевской станицы собрано двести пятнадцать лева (215), каковые и хранятся в ст. правлении.

На докладе ген. Старикова в Братиславе.

26 ноября в г. Братиславе на собрании Общеказачьей станицы ген. Т. М. Стариков прочитал доклад на тему: Почему Дон потерял свою самостоятельность в начале XVIII века. Кроме членов станицы присутствовали и гости: украинцы, карпатороссы и казаки, не входящие в состав станицы.

В 7 час. вечера собрание открыл атаман станицы И. И. Безуглов и предоставил слово докладчику.

(Доклад будет напечатан в журнале особо, поэтому не передаю здесь его содержания).

После доклада председатель предлагает желающим задать докладчику вопросы или высказаться по поводу доклада.

Первым выступает с вопросом И. Колесов: Существовало ли Московское государство или вообще какое нибудь иное славянское государство на севере современной России в тот период времени, когда на Дону жили Подонские Славяно-Руссы?

Т. Стариков: Расселение славян по берегам Азовского и Черного морей началось очень давно, во всяком случае не позже начала VI ст. Параллельно, а по мнению Г. Бернадского, может быть и позже, шло расселение и вверх по Днепру. На востоке поселения славян шли по Дону и доходили до Кубани. По-Донские и Кубанские славяне вошли и в состав Хозарорусской державы, основанной в половине VII ст. Нет никаких известий, чтобы можно было заключить, что в это время на севере было какое нибудь славянское государство. На территории новгородских земель славяне впервые создали свое государство во второй половине IX в. Московское же государство во главе с великорусским племенем возникло много позже.

Инж. Зеркаль: Считают ли себя Донские казаки великоруссами или нет?

Т. Стариков: За всю свою историю Донские казаки сами никогда не называли себя не только великоруссами, но и русскими. Издревле они называют себя казаками. Во всех своих отписках Московскому государю и в их документах они с полной определенностью говорят: „У вас на Руси", „у нас на Дону". Москва также делала категорическое различие: „На наших украинских городах, у вас на Дону" и т. д. Казаки всегда говорят: „Я казак".

Инж. Головчанский: Что такое Тмутаракань и какое отношение она имела к казакам?

Т. Стариков: Тмутараканью называлась область к востоку от берегов Азовского моря. Она называлась также Тмутараканским княжеством. У нее были свои князья. Несомненно, что Подонские и Тмутараканские славяне составляли некогда один и тот же народ, из которого вышли бродники, а потом и казаки.

Инж. Гладий: Не было ли между Донской и Украинской Русью связи?

Т. Стариков: В период расселения славян по Днепру, по берегам Черного и Азовского морей и по Дону кочевников в степях не было, следовательно ничто не разделяло их. Были случаи, что князья Тмутараканские назначались великими князьями Киевскими. Население Тмутаракани и, очевидно, Подонья участвовало в вооруженной борьбе удельных князей Киевской Руси. Этим может быть и ограничивалась связь Руси Подонской и Киевской.

Инж. Зеркаль: Считают ли себя казаки отдельной от великоруссов нацией?

Т. Стариков: Вопрос о нациях вообще является спорным вопросом. Вольные казаки полагают, что Казачество может быть отдельной нацией по крайней мере в государственно-политическом смысле, другие же оспаривают это. Но одно несомненно, что казаки имеют свою собственную и весьма продолжительную историю, имеют с древних времен свою собственную землю, свое отдельное от великоруссов происхождение и до покорения Москвой имели свои собственные государства. Судите теперь сами, имеет ли право Казачество называться нацией.

И. Колесов: Какое влияние оказали на состав казачьих Войск тюркские племена, жившие в южных степях?

Т. Стариков: Старые Подонские Русы жили в непосредственной близости к тюркским кочующим племенам, а в позднейшее время жили на одной и той же территории. Смешение происходило естественным путем.

Позже на Донских казаков оказали большое влияние татары и горцы. Можно смело утверждать, что Донские казаки являются славяно-тюрско-татарской смесью, хотя и с большим преобладанием славянской крови. Этим главным образом и можно об'яснить психологическую обособленность их от других славянских народов Востока Европы.

И. Колесов: Являются ли Великоруссы чистыми славянами или смесью с другими племенами?

Т. Стариков: Всем известно, что история великоруссов является историей поглощения, растворения в своей среде различных финских племен — это есть славяно-фины.

Я вижу господа, что собрание заинтересовалось вопросами древними, связанными с происхождением Донских казаков, но ведь я о них коснулся только вскользь, только затем, чтобы нагляднее показать, что Донские казаки произошли не от беглых рабов и что они имели свое собственное государство. Главная же цель доклада заключалась в том, чтобы указать, что именно послужило причиной утраты Доном своей независимости.

Корень зла был и есть в разброде самих казаков и в отсутствии согласия между всеми народами Юга; что вся дальнейшая наша историческая судьба зависит именно от того, сумеют ли казаки об'единить свои силы и вместе с другими народами создать единый фронт против поработителей.

Я обращаю ваше внимание именно на это и хотел бы слышать мнение присутствующих относительно этих вопросов.

Инж. Головчанский: Я счастлив, я рад тому, что казаки, наконец, заговорили о своих собственных интересах, о самих себе, что они могут беседовать о своей истории, о своем прошлом и настоящем, о своей будущей судьбе. Наконец казаки начинают сознавать необходимость создать свою собственную независимую жизнь и стремятся к тому, чтобы вместе со своими соседями об'единенными усилиями освободиться и создать свои независимые государства.

Инж. Гладий выражает опасение в том, что в будущем среди казаков может произойти раскол, но уже не на сторонников Москвы и Казачьей независимости, а из-за национальной принадлежности к великоруссам и украинцам. Я, например, встречал донских офицеров, говорящих на украинском языке, значит и на Дону есть казаки украинского происхождения.

Т. Стариков: На Дону такого вопроса между казаками не существует. Там нет казаков, которые считали бы украинский язык своим родным языком. Но некоторые офицеры действительно могли говорить на этом языке. Происходило это потому, что как раз эти офицеры могли быть владельцами имений, населен-

ных украинцами. От них они могли (да это так и было) научиться украинскому языку.

На Кубани обстоит этот вопрос иначе. Там есть Черноморцы, есть и Линейцы. Первые являются потомками Запорожцев и говорят по украински, а вторые — потомки почти исключительно Донских казаков и говорят по русски. Но те и другие чувствуют себя членами единого казачьего Войска. Разница между ними только языковая. Антагонизма на этой почве у них не было и, надо полагать, не будет, если, конечно, кто нибудь со стороны или казачьи вожди, принадлежащие к различным „ориентациям", не станут вбивать клин между ними.

Инж. Зеркаль цитирует статистические данные из брошюры И. А. Билого „Казачьи Земли" о народонаселении Дона и говорит, что в этой брошюре казаки причислены к русским, украинцы же выделены особо. Следовательно, на Дону две национальности. Казаков автор причисляет просто к русским людям.

Т. Стариков: Поскольку я помню, те статистические данные взяты автором из советских источников, из их таблиц с сохранением их терминологии, что там и оговорено. Вы знаете, что коммунистическая власть слово казак из'яла из употребления не только на Дону. Я же говорил о национальном вопросе исключительно среди Донских казаков. Украинцы действительно проживают на Дону и при том в большом количестве, но они не казаки, а крестьяне. Мы их называем коренными крестьянами. Это бывшие крепостные наших Донских помещиков. Но они зашли к нам так давно, что мы считаем их равноправными гражданами Дона, коренными жителями. Отношение казаков к ним настолько благожелательное, что Донской Войсковой Круг предложил им получить все казачьи права, в том числе права на землю и называться впредь казаками.

Вольные казаки вообще не делают различий между коренными крестьянами и казаками в политическо-государственном смысле и считают их равными друг другу. Они полагают даже, что украинский язык должен стать, наравне с русским языком, — государственным языком. Повторяю, если врагами Казачьего государства-Казакии — не будет искусственно создана вражда между казаками Черноморцами и Линейцами на Кубани и между Донскими казаками и коренными крестьянами Дона, то отношения между всеми этими группами будут самыми наилучшими.

Инж. Гладий: Если это так, то нам, украинцам, нет причин беспокоиться за судьбу своих сородичей. Вмешиваться во внутреннюю жизнь казачьего государства не будет нужды. Украина и Казакия могут жить в самой тесной дружбе. А пока что, мы должны помогать друг другу осуществить свои заветные желания стать самостоятельными государствами. Мы не должны повторять тех ошибок, которые делали наши народы при Петре I и во время недавней войны с большевиками. Я лично обещаю основательно изучить казачью историю и подойти таким образом ближе к казакам.

Инж. Зеркаль снова возвращается к национальному вопросу и выражает опасения, как бы в будущем казаки не повторили ошибок 18-20 годов. Затем высказывает пожелание, чтобы козаки создали свое самостоятельное государство.

Т. Стариков: Я по возможности ответил на все поставленные мне вопросы. Мне остается остановиться только на некоторых мыслях, высказанных нашими гостями украинцами. Снова говорю, что украинцы, граждане казачьего государства, как на Кубани, так и на Дону будут пользоваться полным равноправием с казаками. Поэтому причин для беспокойства об их судьбе нет никаких. Я уверен, что сами обстоятельства складываются и сложатся в будущем так, что мы неизбежно для пользы дела должны будем об'еднить все наши усилия в борьбе за свободу и за создание наших самостоятельных государств.

Нужно сделать все, чтобы не повторить ошибок прошлого. Инж. Гладий сказал, Мазепа вынужден был в силу сложившихся обстоятельств пойти против Булавина. Это правда. Почему это произошло? Исключительно потому, что не было сговора. Ведь если бы был составлен какой либо общий план, то Булавин мог бы не поднять восстания на Дону раньше времени, пока на Украине не сложились благоприятные условия. А вот в том то и беда, что не было согласия, не было общих решений. Правда, в то время, сильно наблюдали за поведением Донцов и Украинцев. Теперь же за нами нет наблюдателей. Все зависит от нашей доброй воли. Все южные народы должны подойти теснее друг к другу. Мы должны побороть все трудности, стоящие на этом пути. В этом залог нашего общего успеха.

(Соб. кор.)

Доклад А. К. Ленивова в Украинской Громаде в гор. Лионе.

В воскресенье 13-го ноября с. г. в Украинской Громаде состоялся доклад А. К. Ленивова на тему „К проблеме казачье-украинских отношений". Докладчик, обладая большим материалом, в основу своего доклада положил выяснение всех моментов соприкосновения казаков с украинцами, будь то положительного, будь то отрицательного свойств. Конечная цель доклада определилась в том, что А. К. Ленивов в категорической форме поставил перед собранием вопрос: „Что могло бы являться препятствием к установлению союзных отношений между Вольными Казаками и Украинцами"? Вопрос этот был подкреплен со стороны докладчика следующим резюме: „Основой IV Универсала является создание Соборной Украины — „од річки Сану до річки Кубані". Отказ от посягательств на Казачьи Земли является связующим фактором в деле образования союза между будущими государствами — Казакией и Украиной"!

Заключительные слова докладчика были покрыты единодушными аплодисментами всех присутствовавших на докладе — украинцев и вольных казаков, вслед за чем пан Бойко (голова Украинской Громады) открыл запись ораторов, пожелавших высказаться по существу доклада.

Первым получил слово инженер Д. Савкевич (украинец), который сказал следующее: „Борьба украинцев за воссоздание независимой Украины является проявлением активного национализма, но отнюдь не сложением крайностей — шовинизма и империализма. Считаясь с последним, следует полагать, что украинский народ никогда не пожелает посягнуть на суверенные права многострадального казачьего народа, в минуты своего величайшего бедствия выделившего бесстрашных патриотов — вольных казаков. И если ранее имелись попытки со стороны некоторых украинских кругов видеть Кубань в составе соборной Украины, то это было выявлением чистейшего империализма. Для сравнения следует помнить, что до двух миллионов украинцев живет в Канаде и Северо-Американских Штатах, не мало украинцев находится и в Бразилии, Аргентине, на Дальнем Востоке в Сибири, почему-же этих украинцев не приобщили в лоно Соборной Украины? Ответ один — сознание полной невозможности это сделать...

Капитан Горбатенко (генер. секретарь Товариства б. Вояків У. Н. Р.): Личное мое мнение — по вопросу поднятому А. К. Ленивовым, могу высказать самым определенным образом. Действительно, IV Универсал был обнародован, в основу была положена формула „од річки Сану до річки Кубані". Какое же следствие, какие могут сопоставляться выводы! Дело заключается в следующем: когда у украинцев выражалось желание видеть потомков старых Запорожских казаков (в лице Кубанского казачьего Войска в своем составе, то в те времена самостийность (казачий сепаратизм) отнюдь еще не имела ясно определенного выражения. Когда-же казачье самостийное движение определилось в резко очерченной форме в наши дни в образе Вольноказачьего движения, естественно, что с образованием Казакии, в состав последней должно войти и Кубанское Войско, как логическое завершение создания казачьего независимого самостоятельного государства. А если это так, то и формула „од річки Сану до річки Кубані" существенно меняется...

Подполковник-инженер Таран (предс. Товарищества б. вояків Армии УНР): Братья-казаки! Мне кажется, что с течением времени все изменяется. Приходится наблюдать, как сильно и резко изменились и казаки. Дай Боже добиться им, хотя и ценой упорной кровавой борьбы, своей утраченной государственной самостоятельности. Мы, украинцы, в этом несомненно поможем и это самым категорическим образом, ибо и вы, казаки, и мы, украинцы, имеем и одну общую цель — освобождение родного Народа, родных Земель, и одного общего врага — Россию. Идут кубанские казаки со всеми казаками в один общий Казачий Дом — Казакию, честь и слава, и никто не может в том чинить им препятствие, ибо воля народа — есть наивысшая воля...

Пан Бойко (голова Украанской Громады): Крепко и горячо верю в то, что вольные казаки проведут свою идею в жизнь, будет существовать и жить вольный Казачий народ, так как он жил испокон веку. Касаясь IV Универсала, скажу: когда уже существовала и проводилась в жизнь идея Соборной Украины, казаки же шли под другим флагом. И если у Кубанских казаков проявлялась самостийность, то и тогда они не были одиноки... Верьте в то, что украинцы и сейчас помогают Вольным Казакам, и впредь будуть помогать, накладывать-же руки — никогда!"

Хорунжий С. С. Настоящев (б. председатель „Союза Вольных Казаков [сепаратистов]"): Мы, вольные казаки, непрерывно готовясь к упорной борьбе за освобождение Казачества и создание казачьего независимого гесударства — Казакии, должны искать себе союзников прежде всего в лице соседних народов, так же ныне находящихся в рабстве. Но, в предверии указываемого момента, необходимо заранее точно выяснить отношения в данном случае с украинцами. Никаких недоговоренностей не может быть, ибо это может вредить в деле успеха борьбы за освобождение родных земель, родного народа...

Пан Бобров (украинец): Я скажу прямо, что волю народа никто насиловать не может, сообразно этому украинцы, борящиеся за право национального самоопределения, должны понимать и казачьи стремления и безусловно поймут...

А. К. Ленивов: Подводя итог всем выступлениям ораторов, с большим удовольствием подчеркну следующее важное обстоятельство именно: возможность обоюдного понимания, как со стороны украинцев, так и со стороны вольных казаков. Думается мне, что в недалеком будущем произойдет официальное соглашение и украинцы и вольные казаки, плечо о плечо, бок о бок, пойдут в бой в поисках национального счастья. Да здравствует казачье государство — Казакия! Хай живе вільна і незалежна Україна, (бурные аплодисменты)...

Собрание закрывается в шесть часов вечера паном Бойко, приносящим благодарность докладчику за обстоятельный доклад...

День памяти Н. С. Рябовола и А. И. Кулабухова в гор. Лионе.

Вольно-казачьи организации в гор. Лионе ознаменовали 13-летнюю годовщину трагической гибели от рук русских людей Н. С. Рябовола и А. И. Кулабухова устройством дня памяти безвременно погибших ратоборцев за казачью свободу... В субботу 19-го ноября в шесть часов вечера в местной греческой церкви была отслужена панихида, на коей присутствовали делегации от — „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)", „Федерации Вольных Казаков — des Anciens Combattants", Вольно-казачьей группы из гор. Decines, Вольно-казачьей группы из гор. Amberien, Украинской Громады, Товарищества б. Вояків Армії УНР, а также и представители журн. „Вольное Казачество" в г. Лионе.

В семь с половиной часов вечера того же дня состоялось открытое торжественное собрание, посвященное памяти Н. С. Рябовола и А. И. Кулабухова. На собрании председательствовал подхорунжий А. В. Пустошкин (председатель „Союза Вольных казаков (сепаратистов)" произнесший речь следующего содержания: Станичники, открывая настоящее траурное собрание, имею честь обратить Ваше внимание на факт, что и Н. С. Рябовол и А. И. Кулабухов являлись в момент своей гибели — выборными представителями многострадального казачьего народа. Оный момент ни в коем случае не может исчезнуть из казачьей памяти, ибо на Казачьей Земле была пролита кровь лучших казаков, пролита от русских людей, от произвола и насилий своих соотечественников, бежавших в наши родные Казачьи Края и пытавшихся создать „Единую, Неделимую Россию" — ценой гибели многих десятков тысяч казачьих жизней. Три пули в спину Рябовола, веревка на шее Кулабухова — залог единства и жертвенности в рядах их последователей — вольных казаков, коих и приглашаю в данный момент почтить молитвенным вставанием память тех, кто за проведение идеи Казачьей Государственности в жизнь — заплатил своей собственной жизнью.

Вслед за этим произнесли речи — капитан Бойко (от имени Украинской Громады), капитан Горбатенко (от имени комбаттантов-украинцев), инженер Савкевич (украинец), хорунжий С. С. Настоящев есаул Т. К. Хоруженко, А. К. Ленивов. Подполковник-инженер С. А. Таран (председатель Товарищества б. Вояків Армії УНР), не имея возможности прибыть лично на собрание, прислал письмо, которое и было оглашено, вместе с тем приводится и в данной информации с целью определить отношение украинцев к вольным казакам. Вот оно: „Брати Козаки-Самостійники! Не маючи физичної можливости бути присутнім сьогодня серед Вас, аби разом з Вами вшанувати катованих нашим спільним ворогом Ваших братів борців за поновлення Ваших стародавних вольностей та незалежности Ваших земель, — я устами мого наближчого співробітніка і активного самостійника, засилаю Вам свої привітання та бажаю Вам всім бути такими упертими борцами за Вашу волю, якими булі Ваши славні діди — прадіди и ті мученики-самостійники, память котрих Ви нині згадуете. Твердо вірю, що в недалекому майбутньому там у Вас, на Ваших звільнених землях, Ви разом з нами справите справню козачу трізну по всім катованим самостійникам и заживете новим вільним життям, почуваючи себе дійсним господарем у власній хаті та підтримуючи братерський звязок зі своєю сосідкою Самостійною Україною. Слава Вам, козакам-самостійникам. Віра в перемогу та палка любовь до Батьківщини здійснять Ваши мрії."

По окончании официальной части собрания, всем присутствующим было предложено по чарке вина от имени „Союза Вольных Казаков (сепаратистов)"!

(Соб. кор.).

Как и где служила Пугачевская станица панихиду по Кулабухове и Рябоволе.

В четверг 17-го ноября я, станичный писарь Д. Михалинов и представитель журнала „В. К." Г. Балабин пошли к священнику протоиерею о. Дмитрию Чубову и просили его отслужить в воскресенье 20-го панихиду после обедни; но он нам заявил, что в этот день он будет служить обедню в г. Анеси, а не в Южине, по приезде-же из Анеси в тот-же день он будет служить всенощную в Южине, а посему он предлагает нам отслужить ее после всенощной в этот-же день, для чего мы дожны прибыть в церковь в $7^1/_2$ часов вечера.

Мы понятно согласились. После чего он задал вопрос: „А по ком будет панихида?"

— По Кулабухове и Рябоволе! — отвечаю я.

— Знаю! С Кулабуховым я вместе учился и окончил! — заявил о. Д. Чубов.

Представитель журнала г. Балабин после заявления о. Чубова проговорил, обращаясь к г. Михалинову: — Значит так и пишем об'явления на $7^1/_2$ часов.

— Да, да! Можете делать об'явления и вывешивать их, сказал о. Чубов.

Просидев еще две или три минуты, мы ушли, а на другой день вывесили свои об'явления.

В субботу-же ко мне в здание фабрики, где я работаю явился один русский и передал мне письмо без конверта.

Я в тот момент не имел возможности прочесть его и прочел пол часа спустя. В нем о. Д. Чубов отказывался служить панихиду.

Оказывается, что одновременно с посылкой мне письма, на всех тех местах, где были приколоты наши об'явления, появились другие за подписью о. Чубова с отказом служить.

Делать было нечего.

Тогда я, мой помощник С. Б. Аршинов и представитель журнала пошли к католическому кюре. Их настоятель, который носит сан „архи-претра", нас встретил весьма радушно, выслушал, поразился, удивился и заявил: — „Наше дело молиться за всех без всяких рассуждений"; и просил нас прибыть в храм в воскресенье в 8 часов утра, когда он начнет панихиду.

К этому часу мы и прибыли. Прихожане храма были удивлены, увидевши у себя солидную группу казаков и казачек, среди которых они видели и своих знакомых.

Перед службой архи-претер кратко пояснил своим прихожанам цель и причины нашего прихода. Приветливые кивки, взгляды и улыбки французов показали нам, что они понимают наше желание облегчить душу молитвой и помолиться за души мучеников, погибших за идею, за родину и за благо своего народа.

Роскошный величественный храм, торжественная служба и великолепное пение сразу вызвали у нас молитвенное настроение и горячая молитва казаков и казачек понеслась к престолу Всевышнего.

По окончании службы все собрались в одном кафе, где в теплой и дружественной беседе помянули покойников и их заслуги перед родиной и казачеством.

Станичный атаман вольно-казачьей
Пугачевской станицы дед **Балабин**.

В Париже.

По примеру прошлых лет, в день гибели патриота Казачества, казака и священника Алексея Ивановича Кулабухова, в Бианкурской церкви „Общество Ревнителей Казачества" отслужило панихиду по всем братьям казакам, павшим смертью храбрых на поле брани за волю и долю казачьей Отчизны.

Отмечая этот день, Общество устроило собрание, почтив память тех, кто спит вечным сном в далеких степях, вставанием.

(Соб. кор.)

Вольно-Казачий венок на могилы французских воинов.

Французский народ, почитая память всех своих сынов, павших на полях чести в сражениях с внешними врагами, неизменно каждый год в день 1-го ноября (Духов день), совершает массовые поломничества на кладбища, превращая могилы павших воинов в буквальном смысле в цветочные оранжереи... Астры и хризантемы усыпают каждую отдельную могилу, свидетельствуя о признательном отношении французского народа к памяти своих солдат, отдавших жизнь за честь и свободу прекрасной Франции!

Федерация Вольных Казаков — des Anciens Combattants в гор. Лионе, состоя в рядах французской Federation des Sociétés d'Anciens Militaires et d'Anciens Combattants (S. A. M. A. C.), приняла участие в торжественном шествии французских, итальянских и бельгийских комбаттантов 1 ноября с. г. на могилы фрацузских воинов, погибших в войны 1870-1871 гг. и 1914-1918 гг. Почетная делегация Федерации В. К. под руководством А. К. Ленивова (генерального секретаря последней), прибыв на место концентрации комбаттантов союзных армий, представилась доктору Bidon'y (m-r president de la Federation des Sociétés d'Anciens Militaires et d'Anciens Combattants), вообще очень внимательному в отношении Вольных Казаков — des Anciens Combattants, который и на этот раз выразил свое внимание казакам тем, что делегация последних была помещена в голове процессии, непосредственно за комбаттантскими знаменами (было представлено свыше сорока отдельных организаций).

Ровно в десять часов утра грандиозная процессия в количестве нескольких тысяч человек, предшествуемая духовым оркестром итальянских комбаттантов, двинулась на военное кладбище для возложения венков на могилы французских воинов, убитых в Великую войну (1914-1918 гг.). По возложении венка итальянских комбаттантов, последовало возложение роскошного венка, обрамленного Вольно-Казачьей лентой (сине-малиново-желтый цвет) и со стороны почетной делегации Федерации В. К.

Необходимо отметить, что вся французская печать гор. Лиона весьма доброжелательно отметила участие нашей Федерации в церемониальном шествии комбаттантов, а равно и возложение особого казачьего венка.

Посещением могил французских воинов, павших в войну 1870-1871 гг., а равно и могил итальянских воинов, убитых в Великую войну 1914-1918 гг., был закончен церемониал возложения венков со стороны комбаттантских организаций.

Соблюдая традиционный обычай поминовения, почетная делегация Федерации В. К. — des Anciens Combattants по окончании траурного церемониала проследовала во французский ресторан, где был произведен двумя фотографами ряд фото-снимков В. К. комбаттантской делегации, кои и будут помещены в иностранных периодических изданиях.

Аналогичным образом представители Федерации В. К. — des Anciens Combattants, участвовали в церемониальном шествии французских комбаттантов (с знаменами и оркестрами музыки) по улицам гор. Лиона в день 11-го ноября — la fête de l'Armistice (национальный праздник в память заключения мира при окончании Великой войны).

(Соб. кор.)

К годовщине существования „Союза В. К. (сепаратистов)" в гор. Лионе.

Год тому назад в гор. Лионе образовался „Союз Вольных Казаков (сепаратистов)", который и был утвержден Французским правительством. Правительственный официальный вестник „Journal officiel de la Republique Francaise" № 253 (от 29 октября 1931 года) известил (на стран. II, 364, отдел „declaration d' associations" о том, что 24 октября 1931 года состоялось утверждение устава „Union des Cosaques Libres (separatistes)" — казачьей организации, имеющей своей целью — защиту своих идей (conservation de leurs idees)...

Отмечая это событие, члены Союза, собравшись тесным кругом в субботу 29 октября с. г., провели весь вечер в беседе о казачьих делах. Вольные казаки гор. Лиона могут быть горды сознанием того, что не мало сил и труда положили они на созидание будущего казачьего самостоятельного государства — Казакии.

С голосом и мнением „Союза В. К." в гор. Лионе, считаются все казаки, концентрирующиеся во Франции, казаки-единонеделимцы видят в его лице опасного и серьезного противника, остальные усматривают в нем надежного защитника Казачьей Воли, Казачьей Чести, Казачьего Народа...

О том, что сделал „Союз В. К." в гор. Лионе за истекший год, укажем лишь в общих чертах: выпустил воззвание к казакам, подписался в обращении Вольно-казачьих организаций (во Франции) к казакам, издал обращение к иностранцам с просьбой о помощи Казачеству (на французском и английском языках), подал особую декларацию в Лигу Наций, организовал торжество празднования Покрова Пресвятыя Богородицы, празднование 4-летнего юбилея существования журн. „В. К." дня памяти А. Кулабухова, дня памяти Н. Рябовола, встречи Нового Года (1932), розговен на Пасху, торжественного банкета по случаю выхода в свет № 100 журн. „В. К.", устройства докладов полк. В. Балабина: „Взаимоотношения России и Казачества, „Возможно-ли существование Казакии", „Соврем. политич. положение и Вольное Казачество"; есаула А. Трофимова: „Страна казаков. Географический и экономический обзор Казачьих Земель"; есаула Т. К. Хоруженко: „Черные дни на Кубани"; есаула И. А. Кувикова: „Уроки прошлого",

Ш. Н. Балинова: „Чем стало Казачество"; А. К. Ленивова; „Идеология Вольного Казачества", Значение дня Покрова Пресвятой Богородицы для казаков в национальном, историческом и политическом значении", „К проблеме казачье-украинских отношений"; организацию помощи безработным казакам, престарелым казакам, создание собственной библиотеки, курсов самообразования для казаков, оказание поддержки при создании „Вольно-казачьей касы взаимопомощи", „Федерации В. К. — des Anciens Combattants" (в гор. Лионе) и т. д.

Необходимо отметить, что „Союз В. К." сверх того обратил большое внимание на установление дружественных отношений с французскими общественными кругами, украинской и горской эмиграциями, в каковом отношении и добился весьма благожелательных результатов!

А если помнить о том, что § 1 устава говорит „Союз Вольных Казаков (сепаратистов)" в гор. Лионе есть организация казаков-националистов, ставящая себе целью — сохранение казачьего единства, защиту казачьих прав, подобное изучение истории Казачества и пробуждение казачьего самосознания путем устройства докладов и лекций", то приходится признать, что задача, взятая на себя вольными казаками гор. Лиона, выполнена самым блестящим образом в истекающем 1932 году...

Пусть каждый казак прочтет об этом скромном юбилее одной из вольноказачьих организаций и убедится на деле в том, что вольные казаки знают, за что они борятся, умеют добиваться проведения своих идей в жизнь и безусловно в самом недалеком будущем добудут свободу Казачьему Народу и создадут свое казачье независимое государство — Казакию...

(Соб. кор.)

Судебный процесс в г. Белграде.

(От нашего корреспондента).

Дело по обвинению в оскорблении госп. Протопоповым кубанских казаков: генерала Данилова, полк. Недбаевского и ст. П. Мерзликина, а, также, донских казаков: ст. П. Полякова и представителя журнала„ ВК" Б. Кундрюцкова, скоро получит свое завершение перед Югославским окружным судом в гор. Белграде, который сегодня 28-го ноября, приступил к его слушанию.

В одной из прошлых информаций мы упомянули о той статье, которая была напечатана в местной русской газете под анонимкой „казак", автором каковой оказался г. Протопопов, есаул Дон. Войска.

Пройдя все инстанции, дело пришло в окружной суд, куда и вызваны были все заинтересованные.

Кроме указанных лиц, присутствовали свидетели — полк. Есаулов, Г. Голобородько, И. Устименко и несколько казаков.

Сторону г. Протопопова защищал адвокат Демьян Попович, сторону ген. Данилова и др. адвокат Егдич. По этому делу вызван и представитель Новосадской полиции.

По вызову все прошли в залу суда, где судьи и приступили, согласно обычаю, к увещеваниям кончить дело мировой. Суд указал на то, что все являются эмигрантами, все боролись с большевиками, все несут тяжесть изгнания, и предложил Протопопову найти выход из ссоры, затеянной им своей статьей в газете „Русский Голос".

Г. Протопопов: Я прав!.. Я сделал все, как русский националист, правильно, точно описав, что было сделано теми, кто разделяет на части мою родину... и этим помогает...

Один из судей: Какой национализм?... При чем это?.. Мы предлагаем Вам помириться.

Г. Я не жаловался — я согласен на мировую...

Судьи вступают в разговор со студентами. Развился оживленный обмен мнений по данному вопросу, во время которого молодые казаки сказали, что таким „выступлениям" против казаков следует положить предел.

Речь адвоката Егдича:

Высокочтимый Суд, что мои клиенты совершенно правы, достаточно прочитать документ железнодорожной дирекции, данный ген. Данилову в том, что он выехал из Нового Сада 9-го числа, а вернулся 17-го. События же в Новом Саду произошли 10 числа в его отсутствии, а г. Протопопов пишет, что казаки собрались у своего „военного министра Казакийской республики" на квартире, где он их и приветствовал завтраком. Это совершенно неправильно; и что они были легитимированы и арестованы, тоже неправильно. Я имею документы, удостоверяющие ген. Данилова, как редко честного и правдивого человека.

Суд обращается к адвокату Поповичу и предлагает его клиенту Протопопову извиниться и ликвидировать этим дело. Протопопов готов извиниться перед ген. Даниловым в своей ошибке и, волнуясь, говорит сбивчиво.

Суд спрашивает, как он поступит в отношении полк. Недбаевского.

Полк. Недбаевский: Высокий Суд, я тоже оскорблен клеветой, брошенной по моему адресу, а так как я являюсь выборным атаманом Новосадской казачьей станицы и за моими плечами стоит сто человек казаков, оскорбленных в моем лице, то и я требую удовлетворения.

Адвокат Попович встает и, подходя к трибуне судей, показывает им несколько номеров журнала „Вольное Казачество", но суд в это время обращается к г. Протопопову и предлагает ему извиниться и перед студентами.

Судья: Господа, вы политические вопросы будете решать у себя дома... а сейчас мы предлагаем вам помириться.

Г. Протопопов (вскакивая): Они не хотят вернуться в Россию...

Судья: Если они так любят Югославию, то что-же, пусть остаются... и у нас не плохо...

(в зале смех).

Адвокат Протопопова об'ясняет судьям, показывая журнал „ВК" — Примирение можно облегчить следующим. Вот тут они неоднократно называли генерала Шкуро и др. изменниками...

Б. Кундрюцков: Зачем касаться политики, когда дело идет о клевете...

Адвокат Попович: Здесь же в журнале г. Протопопова называют темною личностью, таким образом оскорбление есть с обеих сторон и этим облегчается дело примирения...

П. Поляков: Пусть и судят того, кто это говорил.

Попович: Эта статья подписана Мерзликиным.

П. Мерзликин: Это не мои слова, а лишь информация... За эти слова г. Протопопов судился в Новом Саду и, кажется, потерял процесс...

Г. Протопопов пытается его опровергнуть.

Г. Попович: Вот смотрите, на обложке этого журнала напечатана карта — Казачьей Республики. Это показывает, что они хотят разделить великую Россию, а мы ее любим такой, какой она была раньше. Это деление и дробление причиняет боль и мне... (горячась) И меня обижает...

П. Поляков: Значит вы защищаете свое личное мнение?...

Суд предлагает обвинителям сказать свое последнее слово и условия.

Адвокат Егдич с г. Даниловым и Недбаевским выходят.

Б. Кундрюцков: Высокий Суд, мы не пришли сюда, чтобы спорить на политические темы, как мыслит обвиняемый. Мы ищем правды и ожидаем ее от вас...

П. Поляков: Меня несколько раз из за доносов звали в полицию. Вот почему мы стоим за то, чтобы суд рассудил нас, чтобы никто не смел обвинять нас в том, чего нет. Нас называли большевиками, коммунистами, всеми способами стараясь загрязнить нашу казачью честь. Мы хотим от вас только правды. Вот почему мы не можем так просто — взять и помириться. Нам это подошло выше головы (серб. выражение), чтобы прекратить травлю, клевету и раз навсегда положить предел любителям неправды...

Адвокат Егдич возвращается вместе с выходившими и, посоветовавшись со студентами, говорит: Мы

идем на уступки. Вместо 50.000 динар, мы предлагаем г. Протопопову напечатать в газете „Русский Голос“ следующее: Вся статья „Неудавшееся сепаратистическое собрание в Новом Саду“ есть ошибка, происшедшая на основании ложных информаций“.

Затем — г. Протопопов должен заплатить всем обнителям и свидетелям по двести динар и адвокату 1000 динар.

Г. Протопопов: — Все, что я сказал, все это точно. Только, что касается генерала Данилова, я про него не знал, он по ошибке попал в эту организацию. Эти господа, которые здесь меня обвиняют, получили приют и денежную помощь потому, что я воевал за мать Россию, пролил свою кровь четыре раза... (плачет)... Вот посмотрите... (хочет раздеваться)... Они вместе с нами, русскими, сюда пришли. Они разрывают на части мою родину, мать Россию... Я плачу не потому, что я оскорблен этими студентами, а потому, что я русский... Я — националист... Оскорблен... Я воевал... они — дети...

Адвокат Егдич: г. Поляков и Кундрюцков тоже принимали участие в этой войне и имеют награды... Это не оправдание клеветы.

П. Поляков: К чему вы все это говорите...

П. Протопопов: Ну, в общем, я не могу им платить. У меня нет денег... Суд требует полномочия от адвоката Егдича и адвокат Егдич его получает от обвинителей. Тут же уплачивается такса и суд хочет перейти к разбирательству дела, которое не могло окончиться полюбовно. Видя такое положение, выступает адвокат Попович:

— Гг. Судьи. Я по закону прошу разбирательство отложить, за недостатком свидетелей со стороны обвиняемого...

Суд просит назвать свидетелей. Составляется протокол, записываются все участники и суд об'являет: Заседание суда переносится на другое время и все обязаны явиться лично.

Разбирательство тянулось несколько часов. Суд будет разбирать это дело. Ему дан уже строго законный характер, из-за нежелания г. Протопопова принять условия казаков.

Само собой разумеется, что процесс вызывает жгучий интерес в казачьей среде.

(Соб. кор.)

Приезд ген. Науменко в Скоплье.

Еще в сентябре месяце поползли „кем то“ пущенные, провокационные слухи среди казаков о том, что 15.X. с. г. власти будут высылать вольных казаков из Югославии. Всем ясно было, что провокаторы рассчитывали на дешевый успех и неразборчивость тех, кого хотели, припугнув, залучить в свой табор. „Руководители“ на местах приняли к сведению указания из „штаба“ и решили этот момент использовать в своих целях. По какой то „случайности“ с этим совпадает посещение Скоплье 16.X. ген. Науменко. Только после все, что было тайным, стало явным и... подлым и грязным. Но, прочитав корреспонденцию из Смедерева (№ 115 „В. К.“), никто не удивился Скоплянской „работе“.

Прежде всего, правление „общескоплянской станицы“ (как ее само „правление“ назвало) неправильно об'явило о часе приезда г. Науменко в Скоплье и „головка“, для отвода глаз рядовым казакам, тоже вышла „встречать поезд“, несмотря на то, что „он“ приехал раньше и та же „головка“ уже его встретила и проводила на отдых. В чем же дело? Непосвященные были введены в заблуждение и недоумевали, что происходит вокруг. Ясно, что все было заранее условлено и решено, чтобы можно было информировать „его“ должным образом.

16.X. утром в канцелярии станицы, увешанной портретами мертвых „вождей“, стучали столы и скамейки, — готовился званный обед. Гость же пустился в это время шагать по Скоплье. На прогулке его случайно встретили казаки и некоторые пробовали поговорить с ним, спросить о казачьей доле.

Какое же впечатление от разговора? — Пустота и полная безнадежность. Ген. Науменко не стеснялся прямо говорить о том, что: „Будущее не подает никаких надежд. Советы сильны и конца нашему беженству не видно. Что могу дать казакам я? Чем помочь? — Ничем! Казаки рассеяны всюду и у каждого столько нужд, что помочь нет сил. Да и чем я могу помочь, если у меня ничего нет!..“

На вопрос, что такое Вольное Казачество, „вождь“ ответил в весьма „мягких“ формах: „... вольно-казачье движение — это новое для казаков течение и при том вредное. Я никому не запрещаю веровать во что кому угодно, но все же усиленно не рекомендую входить в него. Ведь оно (В. К.) весьма слабо и не имеет сочувствующих и сильных союзников... Нужно понимать одно, что Казачество может жить только под Россией, а без нее оно погибнет. Наш долг — спасать Россию“...

Перед обедом 16 октября служили молебен, а потом пошли в правление отведать хлеба-соли... Но... на лице ген. Науменко появилось смущение, как только он переступил порог „правления“, т. к., видимо, он предполагал, что его ожидает больше ста казаков, а оказалось на поверку человек 20, а остальные — все его „соотечественники“ по идее и борьбе с казаками...

Официальная часть перед обедом, как предполагалось, с обстоятельным докладом о международной политической обстановке, о положении и чаяниях казаков за границей, о будущем Казачества и т. д. — не удалось, а были больше отдельные фразы и потом ответы на не всегда связные вопросы. Когда же с речью выступила и одна женщина, говорившая о своей безмерной любви к России и желании хоть посмотреть на нее (о казаках ни слова) то это, видно, привело в тупик и самого „вождя“. Между гостем и „головкой правления“ все время чувствовалась какая то натянутость, невязка и неловкость. (совесть грызла всех — на третий день только выяснилось все). Но на выручку пришли напитки и когда хмель взял перевес, то языки у хозяев развязались и тут уж полились тосты всем, кого только могли вспомнить, а главные из них: г. Науменко предложил здравницу за Мяча, Мяч за дом Романовых, Сергиенко за Науменка и пошло колесом дальше.

Единственную великую истину в этот день сказал сам Науменко: „Там, дома, русские большевики уничтожают все казачье и казаков. Даже тех казаков уничтожают, которые нелицемерно служат коммуне 15 лет и являются деятельными членами партии. Там Казачество изводят в конец“!..

Все же и хмель не привел к откровенным беседам. Все выходило деланным. Какой то червь точил, сверлил мозги гостя и „головку“. Вышло, что лицемерили и одна и другая сторона, чтобы что то скрыть от присутствовавших непосвященных в „дело“ казаков, утаить шило в мешке.

В тот же день вечером гость сел в поезд... А на третий день и шило вылезло из мешка „головки“ и поползло от казака к казаку вещать правду матушку. Утверждают, что это же шило присутствовало и на тайных совещаниях „головки“, и на докладе гостю и на духу у отдельных членов „головки“. Говорят, что „шило“ вещало так: якобы слухи о высылке вольных казаков слухами, а дело делом. „Головка“ постановила обделать „дельце“ и по совету „сверху“ привлечь к „делу“ непосредственно и самого Науменка. Шило не утверждает, правда, что „он“ знал, для какой цели его выписывают в Скоплье и как думают использовать его „авторитет“.

13.X. „головка“ созвала тайное совещание в составе: М. Сергиенко, В. Мяч, старый Брицкий, „шило“ и еще 3 члена. На этом совещании, по настоянию Сергиенка и Мяча, был составлен список вольных казаков, куда вошло 32 человека, Шило передает, что будто „головка“ поднесла этот список „вождю“ и просила, чтобы и „он“ своей подписью внизу посвидетельствовал, что эти 32 — действительно неблагонадежны, а потом просить власти выслать их... в Совдепию. И это 32 казаков? Шутка-ли? Но гость резонно им ответил: „Такую вещь подписать я не могу, а вам советую этот список уничтожить, чтобы никто не знал. Иначе, если вы дадите властям, то еще неизвестно, кого вышлют: вас или их“.

Этот момент как раз и создал ту неловкость, ту неприязнь между „головкой“ и „вождем“, которая заметна была во все время пребывания гостя в Скоплье. Тут то „вождь“ воочию убедился и сам, к чему привела его „работа на пользу родного Войска“ и каких „дельных сотрудников“ он обрел за все это время.

Но, „шило“ высунулось и открыло истину... Через несколько дней можно уже было наблюдать, как члены „головки“ ловили казаков на улице и старались убедить, что ничего не было, что это просто шутка и что „шило“ по глупости наболтало... Можно себе представить, как к этому отнеслись казаки, которых „благодетели“ готовили отправить на растерзание...

Эх вы, отцы дел непутевых! Мараете только имя казачье и перед иностранцами срамите казака своими „делишками“ грязными...

(Соб. кор.).

„Ковыльные Волны“.

Вышел 5-й номер этого калмыцкого вольно-казачьего журнала. Номер приурочен к 5-тилетию „Вольного Казачества“. Кроме передовой, посвященной юбилею „ВК“, в номере много разнообразного исторического, публицистического, литературного и информационного материала из калмыцкой и казачьей жизни. Приобрести можно: во Франции — у Балинова, в Чехии — у Балыкова, в Югославии — у Менькова или Кундрюцкова, в Болгарии — у Кавлюшова.

В Ганновере.

Ганноверская группа ВК пополнилась 3-мя новыми членами: Прок. Д. Чипликовым (дон.), Макс. М. Пономаревым (дон.) и Ал. Тр. Данилко (укр.).

Старший группы: **Рощин,**
Исп. об. писаря **Качалин.**

В Казакии.

По советским газетам.

Звериная борьба за хлеб.

Передовая „Молота“ от 19 ноября признает „нарастание темпов хлебозаготовок совершенно недостаточным“...

Так же: „Павловский район не добился решающих успехов в хлебозаготовках и севе“... „На полях колхозов лежат тысячи гектаров необмолоченного хлеба“ (Мечетка).

Передовая „М“. 20 ноября: „Ряд районов края в первые дни четвертой пятидневки ноября резко снизил темпы хлебозаготовок. Особенно заметное снижение по районам: Краснодарскому, Каневскому, Тихорецкому, Н.-Покровскому, Тимошевскому, Верхне-Донскому, Вешенскому, Миллеровскому, Каменскому, Таганрогскому, Моздокскому и др“...

21 ноября: „На Ставропольщине кулачье саботирует хлебозаготовки и сев“...

22 ноября: „Нарастание темпов хлебозаготовок совершенно недостаточно“. На почве борьбы за хлеб и в связи со всякими иными „провалами“ начата „чистка“ местных партийных и комсомольских организаций. Запестрили „лозунги“: „Освободить партию от предателей и изменников“...

23 ноября: „До конца разгромить пособничество и примиренчество к классовому врагу!..“ — „Пособничество“ и „примиренчество“ местных коммунистов, т. е. (станичных и сельских) заключается всего только в том, что при всем своем старании они уже ничего не могут выжать у ограбленного, голого, босого, голодного и холодного населения...

„В Полтавской и Стеблиевской безнаказанно орудует классовый враг“...

„В севе нет перелома“ (Темиргоевская).

„Предатели выброшены из партии“ (Нальчик).

„Со всей строгостью революционных законов карать врагов народа“...

„Чуждые выброшены из комсомола“... (Медведовская).

24 ноября: „Изгнать из рядов партии и отдать под суд буржуазных перерожденцев, предателей“ — так „потчуют“ сегодня одни коммунисты своих вчерашних товарищей...

„Уничтожить сопротивление хлебозаготовкам части коммунистов“... — Значит, дошло до того, что и часть коммунистов не выдерживает уже давления сверху...

25 ноября — почти на всю страницу „постановление“ „ о ходе чистки сельских партийных организаций“...

26 ноября: „На Кубани десятки тысяч гектаров неубранной кукурузы“... „План по кукурузе выполнен только на 32 процента“ (Баталпашинск).

„Основные кубанские районы снизили темпы заготовок“...

„Коммунисты прячутся от работы“...

27 ноября аршинными буквами: „На черную доску станицы Незамаевскую и Полтавскую“...

„Незамаевские коммунисты пасуют перед кулаком“...

28 ноября „сводка“: „Пятая пятидневка ноября дает снижение хлебозаготовок“...

В Пролетарском районе „саботаж обмолота пшеницы возглавляется коммунистом“...

В ст. Отрадненской Таганрогского района „не обмолочено 1417 гектаров и в валках лежит 390 гектаров“... (это в конце ноября!).

В Кореновском районе „семь с половиною тысяч гектаров подсолнуха лежит в валках“...

— Как хозяйничают оккупанты с выкачанным у населения хлебом, видно из таких „текущих“ сообщений „М.“, напр., от 28 ноября:

„Хлеб застрял на станциях. На Северо-Кавк. ж. д. (бывшая Владикавказская) скопилось 15214 вагонов хлеба“...

На ст. Мечетинская 4149 тонн хлеба мокнет под дождем...

Или:

„Навигация по Дону прекратилась 21 ноября, так как в этот день он замерз. На этот день на пристанях Дона осталось невывезенным свыше 18 тыс. тонн хлеба, преимущественно пшеницы и ржи, предназначенных для снабжения Ростова. Особенно много хлеба осталось лежать в Константиновской — 5918 тонн, Николаевской — 3450 тонн, Быстрянской — 3422 тонны, Семикаракорской — 2233 тонны. Все эти пристани находятся в 60-80 километрах от жел. дороги и понятны, те трудности, которые встретились бы при перевозке хлеба по жел. дороге“.

В „Кр. Зн.“ 24 ноября читаем: Темпы Елизаветинцев по заготовке маслянки позорны... Обмолочено только 36 процентов...

На фронте промышленном об'явлена война прогульщикам и летунам“ Значит — гуляют и летают...

И т. д... И т. д...

27 ноября в „Кр. Зн.“ признаются: „Итоги выполнения плана мобилизации средств на 25 ноября показывают, что тот прорыв, который имеется на этом участке, не только не ликвидирован, но с каждой пятидневкой все больше углубляется“...

В „М.“ от 29 ноября об'явлен новый список расстрелянных: станицы Дмитровской (Куб.): 1. Алтунин А. К., 2. Овчинников К. Н., 3. Шорстов А. В., 4. Попов Е., 5. Папет В. Н., 6. ст. Незамаевской: Петренко Абрам и 7. Ветер Кузьма, 8. ст. Ново-Джерелиевской — Артеменко Варфоломей, 9. ст. Кореновской — Махортов К. С., 10 ст. Пластуновской — Пимоненко Степан.

Кто правит казачьим Краем.

Из „М.“ от 30 ноября узнаем, что 29 ноября назначен новый председатель Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Это — тов. Ларин. Оказывается... из казаков.

Виталий Ларин, как пишет „М.“, „родился в 1895 г., по происхождению казак быв. Донской области. В революционной работе начал принимать активное участие еще в 1914 г. в организовавшихся в Новороссийске большевицких кружках. Тогда же вступил и в партию... В 1918—19 годах он состоит членом окрпарткома и председателем окрисполкома в Новочеркасске, членом парткома в станице Урюпской. В 1919 г. был комиссаром по формированию кавказской казачьей дивизии на „южном“ фронте. Потом заведует орготделом Донского комитета партии... С 1931 г. работает в качестве второго секретаря С-Кавк. кр. ком. партии. Одновременно Л. является и членом центр. исполн. ком. Союза ССР.“

— Что делать — и у казаков есть свои выродки...

От редакции.

Мы уже предупреждали читателей нашего журнала, посылающих подписную ли плату за журнал или в фонд Б. Круга ВК (С'езда) в письмах бумажными деньгами, чтобы они всегда посылали только новые и чистые кредитные билеты.

Напоминаем это еще раз по следующей причине. Были неоднократные случаи, когда присланные бумажки были настолько старые и истрепанные, что здесь вообще нельзя было их продать ни за какую цену. Таким образом, только благодаря невниманию к нашим предупреждениям создается следующее положение: посылающий старый кредитный билет лишается вполне определенной суммы денег (в каждой стране свои билеты стоят одинаково — старые и новые), а мы ничего не приобретаем. В том же случае, когда такой рваный билет посылается на с'езд, мы попадаем в совсем скверное положение: раз мы получили, напр., 100 лева, мы об'являем, что получили, но т. к. их нельзя продать, то мы должны покрывать сами соответствующий эквивалент.

Поэтому, напоминая об этом еще раз, мы одновременно и предупреждаем, что не будем впредь принимать старых бумажек.

Считаем, что настоящему нашему предупреждению очень легко пойти навстречу.

Еще одно. Пример: если кто будет посылать нам, положим, 50 франков, пусть знает, что для него эти 50 фр. стоят одинаково и одним 50-ти франковым билетом и 5-ю 10-и франковыми билетами. Для нас же выгоднее всегда иметь один 50-ти фр. билет, чем 5 по 10 фр. или 10 по 5 фр. Ибо чем крупнее купюра, чем она новее и чище, тем лучше мы ее можем продать.

Или: если нужно послать 10 фр., то лучше послать один 10 фр. билет, чем два по 5 фр.

Другой пример: Были случаи, когда читатели, обращаясь в редакцию, прилагали, положим, 5 лева. Пять лева они потеряли, а мы ничего не приобрели т. к. таких сумм никто не покупает. В таких случаях лучше посылать международные почтовые купоны.

Печатается книга

Пять лет

„Вольного Казачества — Вільного Козацтва“

Сборник избранных передовых статей.

Подписчики журнала „В. К.“, внесшие подписную плату сразу за 1933 год вперед, получат печатаемую книгу бесплатно, оплатив только стоимость пересылки (можно прислать в письме два международных почтовых купона).

Цена книги будет об'явлена в следующем номере журнала.

Книгу „Пять лет „В. К.“ должен иметь каждый вольный казак.

Открыта подписка на 1933 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Č. S. R. по 100 к. ч. за год, а заграницу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930.
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.